

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Юрий Валин «**МЫ
ОДНОЙ КРОВИ**»

Самый младший лейтенант

Юрий Валин

**«Мы одной крови».
Десант из будущего**

«Автор»

2012

Валин Ю. П.

«Мы одной крови». Десант из будущего / Ю. П. Валин —
«Автор», 2012 — (Самый младший лейтенант)

ISBN 978-5-699-59523-5

Долгожданное продолжение бестселлеров «Самый младший лейтенант» и «Самый старший лейтенант»! Опергруппа из будущего десантируется в 1944 год, где внезапно оборвалась связь с резидентом, внедренным во фронтовое Управление СМЕРШа. Однако в прошлом все идет не по плану, вразнос, наперекосяк – резидент убит, высадка проходит крайне неудачно, в самое пекло ожесточенного сражения за Выборг, а вдобавок еще и смершевцы заподозрили в «попаданцах» немецких агентов... Как снять с себя эти обвинения и стать для фронтовиков Великой Отечественной своими? Как доказать, что «МЫ ОДНОЙ КРОВИ»? Только в бою! Автор благодарит: Александра Москальца – за помощь на «всех фронтах» Евгения Львовича Некрасова – за литературную помощь и советы.

ISBN 978-5-699-59523-5

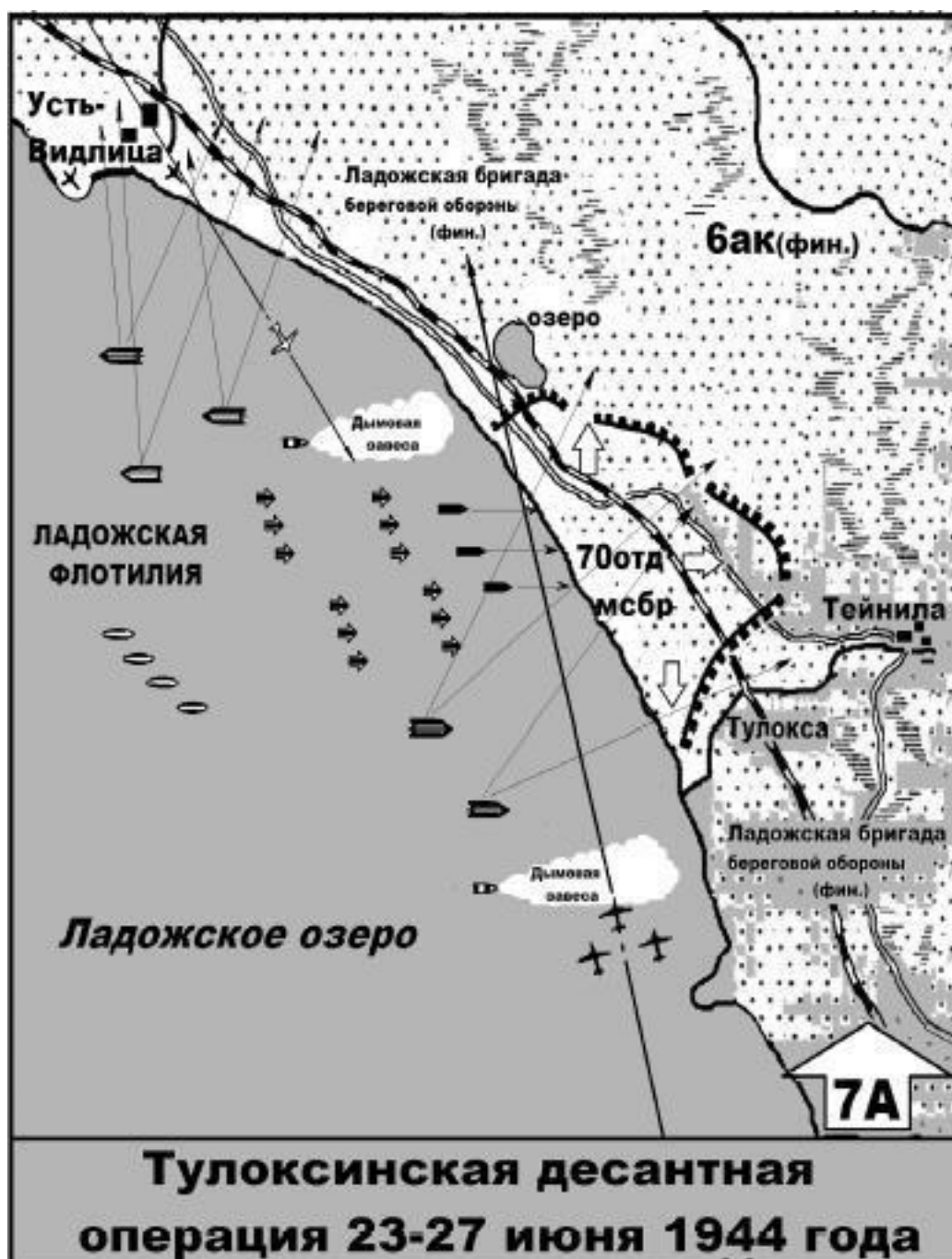
© Валин Ю. П., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Пролог	8
Глава первая	18
Глава вторая	28
Глава третья	35
Глава четвертая	40
Глава пятая	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Пролог

10 июня 1944 года

Мусталовский ручей

(44 км от Ленинграда)

– Взялись!

Команды Алексей толком не расслышал – гремело и грохотало все вокруг. Но и так было понятно – батареицы подхватили станины, навалились, упираясь руками, плечами и животами в боевой металл – гаубица дрогнула, поднатужилась и двинулась вперед. Это чудище, весом в две с половиной тонны – звали «Манечкой»¹.

Ее, гаубицу, в огневом взводе любили – от Орши шла-воевала. Впрочем, ее же и ненавидели. Сейчас, изо всех сил упираясь в массивное, обтянутое грубой резиной покрышки металлическое колесо, Алексей теснее жался к надежному железу. От пули и осколка точно защитит. Если «подарок», конечно, с той, с удачной, стороны рванет...

«Манечка» катилась, по-утиному переваливаясь на комьях земли, выброшенных из свежих воронок. Кажется, гаубица уже сама стремилась вперед – в долинку, к тому заболоченному ручейку, где еще торчали остатки изломанного тростника, дальше – к щеле и обрывкам «колючки», оставшейся от первой линии заграждения на чуть заметном подъеме, еще дальше – к далекой, полностью выкошенной первыми артударами роще. Откуда-то с той стороны били финны, и где-то там был этот чертов дот. Левее, по нашему берегу ручья, маневрировали прикрывающие атаку танки: четыре легких Т-26. Правда, один стоял и вяло дымил. Ни своей пехоты, ни самоходок, что откуда-то справа часто и глухо лупили по финнам, Алексей не видел. Видел младший сержант Трофимов стальное колесо. Смотрел на царапины глубокие и толкал «Манечку».

Позади остался «Сталинец»² – согнулся с кувалдой водитель над лопнувшей гусеницей, двое бойцов торопливо стягивали на землю ящики с выстрелами...

...Звякнуло-взвизгнуло, срикошетив от щита – вот и прикрыла «Манечка». Что-то закричал командир орудия – Алексей так и не запомнил, как его зовут, но точно сержант был с Волги, – все шутил, что из потомственных бурлаков с углубленным классовым упорством. Лейтенант, командир огневого взвода, шел за орудием, то и дело обеими руками поправлял каску, вглядываясь – где-то здесь должна быть заранее размечена позиция. Расчет готовился – ребята ползали сюда по ночам. Вообще-то проклятый дот пытались разглядеть уже четыре дня. Четыре дня как прибыла на передовую батарея, а дот здесь торчал черт знает сколько, может, вообще с самой Финской уцелел, врос, вжился, стал частью того пологого склона. А может быть, частью той рощи, от которой остались стволы-пеньки высотой в рост человека да груды измочаленных ветвей. Но дот точно был еще живой. Утром по нему били дивизионом, но, как теперь уже понятно, не добились. И настал черед «Манечки», что и ждала своего выхода в орудийном окопе за траншеями пехоты. «Прямой наводкой» это называется.

Младший сержант Трофимов артиллеристом не был. В смысле, сейчас-то был, уже вторые сутки. Но вообще-то радистом значился по боевой специальности Алексей Трофимов. Двое суток как прибыл с пополнением в дивизион, был назначен во взвод связи, согласно штатному расписанию. Ну, штат-то был, а вот второй рации в дивизионе не было. Посему усилили могучим и свежим Трофимовым огневой взвод. Как в воду смотрели – тягловая сила «Манечке» ох как пригодилась. Хотя какая из послегоспитального младшего сержанта тяга?

¹ М-30 – 122-мм гаубица образца 1938 года.

² СТЗ-5 «Сталинец» – гусеничный тягач производства Сталинградского тракторного завода.

«Грибом» на батарее новичка обозвали – оно и понятно: одна башка-шляпка на тощем, не сильно-то рослом теле, вот и весь боец.

– Хорош!

«Манечка» качнулась – Алексея отпихнули – не мешай, доходяга-махра.

– За бэ-ка вали, Гриб!

Алексей расслышал, побежал навстречу батареям, волокущим снаряды. Вместе с усачом рысью доволокли ящик. Господи, да сколько веса-то в нем?

Несло клубы вонючего дыма, глушил визг мин, – вспухали разрывы, – живы финны, отсиделись. Свиста пуль не слышно, отдельных разрывов не слышно – с утра гремит и дрожит Карельская земля, бушует артподготовка по фронту от Белоострова до Таппари. Где гуще, где жиже. Сейчас, наверное, здесь пожиге. Потому как финские пулеметы, минометы да наши танчики и самоходки, дивизионные трехдвоймовки – щекотка, по сравнению с тем управляемым валом огня тысяч орудий.

...«Манечка» уже растопырила станины, шевелила своим недлинным хоботом-стволом. Лейтенант стоял на колене у колышка, заранее обозначавшего огневую, не отрывался от бинокля. Что-то кричал, не оборачиваясь. Алексей не слышал, не понимал, – точно, Гриб, и что, дурак, каску единственный из расчета нацепил? Лейтенант тоже в каске, да кто над ним смеяться будет?

Лейтенант обернулся: лицо злое, желтые зубы скалятся. Встал за ним столб минометного разрыва – лейтенант втянул голову в плечи, но все кричал...

Рвануло правее, – Алексей на коленях оказался, непривычный карабин под мышку сбился, земля по каске барабанила.

– Выс!.. – расслышал сквозь грохот, успел распахнуть рот...

«Манечка» гавкнула... Подпрыгнула над землей в радости своей тяжеловесной, выплюнула из дыма раскаленного стакан гильзы...

...Алексей рысил с очередной походкой – вырывалась из руки скоба массивного ящика, карабин колотил по спине.

– Да что, твою... слабосильный такой?! – прокричал в грохот и пыль ядовито вспаханной земли усач-батареец.

– Так я с запасного, – прохрипел Алексей.

– Вас, грибов, вообще за...

...«Манечка» без спешки, но и не медля, харкала в финнов двадцатикилограммовой смертью. Алексей не смотрел – раззявив по-рыбьи рот, бегал и бегал к тягачу и назад, с ящиком на двоих. Левый бок сзади жгло болью, но в шаг уже приноровились попадать, ящик вырваться не спешил, – усач крутил бритой потной головой, матерился, но уже больше для бодрости. Что-то о «пристрелялись, курвы»...

...Они не видели, как там, на склоне, взлетел, вышибленный из земли, бронеколлап, похожий на бородавку. А дот тот злодеручий то ли разбили, то ли финны не выдержали лежащих рядом снарядов и драпанули. Лейтенант, наверное, что-то видел, и наводчик, припавший к не очень-то подходящей для стрельбы прямой наводкой, панораме, тоже видел. Вообще-то, война – слепая тетка. Кто ее видит, кто по команде стреляет, а кто только ящики с надежными, но опять же жутко неудобными ручками, тащит.

...Рвануло вблизи, подноскики попадали, свиста осколков Алексей не расслышал. Одновременно подняли головы, усатый сморкнулся рыжей пылью:

– Вот, маму их...

Подхватили ящик, – до «Манечки» шагов с полсотни оставалось. У орудия кто-то лежал. И лейтенант сидел, расставив ноги...

Опустили ящик к остальным, батареец кинулся к орудию. Жил и работал расчет в пыли и дыму, «Манечка» жила, ждала заряда, и главным сейчас именно это было...

– Гриб, ты лейтенанта бери. И под ногами не путайтесь! – проорал кто-то в ухо.

Алексей нагнулся к командиру взвода:

– Встать можете?

– Жи... живот. – Лейтенант держался за ремень, на гимнастерке расплывалось темное.

– Сейчас замотаем, – Алексей раздирал обертку перевязочного пакета – проклятая нитка, понятно, оборвалась. – Придержите, сейч...

...Гавкнула, оглушая весь мир, «Манечка»...

Алексей, отплеываясь и пытаясь проморгать пыль, помог лейтенанту встать. Поковыляли... Проклятый карабин опять съехал в подмышку. Лейтенант слабо обхватывал за шею – ноги подгибались. Бормотал что-то. Алексей расслышал обрывки:

– ...зря написал. Мама говорила...

За спиной злобно гавкнула гаубица – сердилась «Манечка» на лежащие рядом мины. Какая-то финская сволочь, хоть и из единственного уцелевшего 81-миллиметрового, но пыталась накрыть.

Тягач уже был рядом. Механик стоял на четвереньках, колотил кувалдой, вбивая «палец». Алексей почти волок на себе лейтенанта, вцепившись в скользкий ремень. Совсем заплохело взводному – руку с кровавым комом опустил, низ гимнастерки темный, влажный. Перевязать нужно получше, изойдет кровью. У механика пакет должен быть...

...Свист Алексей услышал в последний момент. Говорят, когда точно в тебя – вообще не слышишь. И ведь обидно – перелет ведь какой финн дал...

...Трофимов, увлекая лейтенанта, качнулся вперед – упасть, все ж меньше порвет... Не успели: встал за спиной черный куст – швырнула взрывная волна солдатские тела вперед, прямо на блестящую гусеницу «Сталинца»...

...Еще миг стоял на ногах Алексей. Голова болью лопнула. Все. Отвоевался. Второй раз даже короче получилось...

Аэродром Касимово (15 км от Ленинграда) 7:50

Винты Ли-2³ взбивали воздух. Рев двигателей оглушал, вибрирующее бетонное покрытие толкалось в подошвы сапог. Впрочем, наверное это не самолет виноват. До линии фронта всего меньше 20 километров.

Подполковник Сергей Вячеславович Варварин кинул взгляд на часы. Там артподготовка продолжалась уже второй час. Ленинградский фронт переходил в наступление. Вернее, уже перешел. Накануне, после удара бомбардировщиков и штурмовиков, началась артподготовка. Десять часов, почти непрерывно. По всей ширине Карельского перешейка, дабы не раскрывать направление главного удара до последней минуты. В паузах артподготовки части 23-й армии силами отдельных взводов, рот и батальонов атаковали на разных участках. Разведка боем увенчалась лишь частичным успехом – у Мертуги и в районе Дюны удалось срезать выступы линии фронта глубиной до полукилометра. На остальных одиннадцати участках продвинуться не удалось, местами наши понесли ощутимые потери в пехоте и танках. Возможно, этот кажущийся успех взбодрил оглушенных финнов. Но главную задачу разведка боем выполнила: были вскрыты неподавленные финские огневые точки и выяснена эффективность артподготовки.

Повторная артподготовка началась в 6.30...

³ Ли-2 – советский военно-транспортный самолет. Производился с 1942 года в Ташкенте. За основу взят лицензионный вариант Douglas DC-3.

Меньше чем через час наши войска атакуют. И машина начнет работать на полную мощность. А пока тысячи тонн металла и бризантной взрывчатки вспахивают минные поля, разнесут вдребезги гранитные противотанковые надолбы, крушат уцелевшие бронеколпаки и дзоты. Телефонная связь финнов уничтожена полностью, контрбатарейная стрельба подавлена, оставшиеся в живых солдаты и офицеры сидят в убежищах, молятся и ждут. Ад всегда внезапен.

Основная оборонительная линия будет прорвана сегодня. За два часа. По сути, ее уже там нет. Гвардейцы 30-го стрелкового корпуса при поддержке танков нанесут основной удар вдоль шоссе Белоостров – Выборг. Деморализованные финны начнут отходить почти сразу. На флангах советские стрелковые корпуса так же сомнут оборону противника и с опережением выполняют задачу дня. К вечеру в финской обороне будет зиять брешь шириной в двадцать километров. Это только начало, но это отлично спланированное и воплощенное в жизнь начало...

Подполковник Варварин многое знал. В принципе, по штату положено. 10-й Отдел СМЕРШ (отдел С) – работа по специальным заданиям. Пусть штаб родной Отдельной Приморской армии сейчас в тылу, в далеком Севастополе, а здесь подполковник лишь в краткой командировке, Сергей Вячеславович знал, что происходит. Собственно, осознают, что началось действительно наступление, все, кто слышит далекий гул тысяч орудий. И вообще что-то этакое в летнем воздухе повисло...

По направлению к приземлившемуся бомбардировщику пронеслась разболтанная полуторка – в кузове, цепляясь за кабину, прямо на ходу пытались развернуть какой-то провод девчонки-технички. Еще одна, отставшая, бежала за машиной. Тоненькая, бледная, в кажущихся непомерно огромными башмаках и стеганой безрукавке не по размеру – настоящая ленинградка. На ходу смешно подпрыгнула, поддернула шаровары, поднажала, косички отчаянно запрыгали по спине...

В последнее время подполковнику Варварину нравилось смотреть на девушек. Весна только-только кончилась, в наступление пошли... Да и вообще...

В двери «Дугласа» вновь мелькнул сержант – воздушный стрелок. Крикнуть ничего не решился, только взглянул умоляюще. Варварин подхватил стоящий у сапога мятый кожаный портфель и пошел к трапу. Действительно пора.

Подниматься мешала переброшенная через руку шинель, подполковник рассердился – совершеннейшей институткой стал.

Раздражаться причины были – Варварин не спал третьи сутки. По прибытии пришлось утрясать взаимодействие между «армейскими» и «флотскими» коллегами. До идеальной работы всех частей сложнейшего механизма разведки-контрразведки было ой как далеко. Даже готовая спецоперация, ее отточенная логика, подкрепленная целым пакетом разведанных, вызывала уйму совершенно ненужных вопросов и сомнений. Впрочем, время еще есть, поспорят, поругаются, но сделают. Пока немцы лишь начинают прорабатывать возможность срочной переброски подкрепления своим финским союзникам. Решение будет принято 14–15 июня, приказ на выполнение последует 20 июня. И когда транспорты со «штугами» выйдут из Таллина, их будет ждать сюрприз.

С перехватом получится неплохо. Морщился Варварин по иному поводу. Лететь не хотелось. И когда из Севастополя сюда добирался, и вот сейчас. Даже плечами хочется передернуть. Так бывает. Подполковник Варварин верил в интуицию. И работая на переднем крае, и просчитывая-обосновывая детали операций, Варварин неизменно прислушивался к внутреннему чувству. Обычно помогало. Беда в том, что иногда интуиция, эта смешная «субъективная способность выходить за пределы опыта путем мысленного озарения» забывала, что находится на войне, и норовила вступить в крайне неприятное противоречие с конкретным приказом вышестоящего командования и прочими совершенно непоколебимыми определяющими армейской жизни.

– Сюда, товарищ подполковник, – стрелок интеллигентно потыкал мизинцем в скамью ближе к пилотской кабине. – Здесь болтать будет меньше.

Варварин кивнул и бросил шинель на жутко неудобную ребристую скамью. Утробу «Дугласа» контрразведчик знал хорошо – жить можно, но особого счастья бытие в ребристой обшарпанной утробе не приносит. Как-то приходилось лететь на борту, где сохранилось несколько сидений от ПС-84⁴. Иное дело, конечно. Ну, где тот «Аэрофлот»? Выспаться и здесь можно. Утешимся эгоистичной мыслью, что местные коллеги сейчас в полной запарке. Подготовку наступления удалось надежно прикрыть. Но сейчас вздохнувшее, было, посвободнее Управление СМЕРШ Ленинградского фронта вновь стоит на ушах. Буквально вчера какая-то тварь дважды нагло выходила в эфир. Краткие шифровки. И главное, чуть ли не из Агалатово рация работала. В общем, хвост коллегам мигом накрутили, посему отбывал Варварин в одиночестве, без провожающих. Ну, оно и к лучшему.

* * *

Двигатели умиротворенно урчали – самолет взял курс на юг. Варварин устраивался: портфель, завернутый в шинель, – импровизированная подушка под голову, сапогами можно упереться в ребро скамьи – есть там такой шов, весьма ощутимый, если сидишь пятой точкой, но бесполезный в положении лежа. Попутчики – два военврача, сопровождающих груз из четырех небольших, но, видимо, весьма ценных ящиков, разбирались с бумагами – капитан тыкал карандашом, что-то горячо говорил в ухо своему спутнику. Тот, симпатичный старлей с чересчур щегольской полоской усов над верхней губой, уныло кивал.

Лететь Варварину предстояло долго – минимум две пересадки. Потом Севастополь. Дел по горло. Жарища небось. Надо пойти и искупаться. Взять N, пойти вместе и искупаться. Какая уж тут конспирация? Все, кому не надо, уже знают. Ну и самое обычное дело, между прочим...

Заснул Варварин мгновенно. Спал, обхватывая «подушку» с портфелем, – привычка есть привычка. Вымотанный подполковник с техническими «молоточками» на погонах, то ли худощавый, то ли поджарый, и выглядящий порядком старше своих лет. Кобура ТТ сдвинута под руку, запасной ППК⁵ под формой не разглядеть. Предпочел бы Сергей Вячеславович увидеть сон приятно-отвлекающий, например о том же купании, но ничего ему не снилось.

...Проснулся мигом – протопали рядом сапоги, сиденье-ложе передало дробь-тревогу. Подполковник вскинул голову: выскочивший из кабины второй пилот смотрел в иллюминатор, медики тоже что-то там разглядывали. И сидящий на смешной ременной «качельке» у турели верхний стрелок уже не сидел, а напряженно стоял на грубовато сколоченной подставке, опираясь о затыльник пулемета.

Варварин кинул взгляд на часы – отнюдь не шикарные, но надежные трофейные «Хелеус» показывали 8.28. Тьфу, черт бы их взял, всего пять минут и спал.

– Чего там?

– Да хулиганят, товарищ подполковник, – отозвался второй пилот. – Хоть что им делай...

Варварин увидел пару ЛаГГов – висели рядышком, казалось, от крыла «Дугласа» рукой подать. Истребители шли плотно друг к другу, явно щеголяя своим летным умением. Прямо парад: свеженькие, нарядные – действительно «рояли»⁶. Ближний картинно качнул крыльями – пилот что-то показывал ладонью, затянутой в черную перчатку.

– Чего хотят-то? – пробормотал Варварин.

⁴ ПС-84 – пассажирский вариант «Дугласа», до войны обслуживавший пассажирские линии «Аэрофлота».

⁵ ППК – пистолет Walther PPK.

⁶ Одно из прозвищ истребителя Лавочкина – Горбунова – Гудкова. Называли также «утюг» и «Лакированный Авиационный Гарантированный Гроб».

– А хрен их... Виноват, товарищ подполковник. Вроде как к востоку уходить требуют. Тут разве поймешь...

– С аэродромом связались?

– Не выходит. Помехи сильные. Видно, гроза ходит.

– Вы давайте-давайте, связывайтесь. Это воздушное хамство на корню пресекать нужно.

Пилот пошел в кабину. Варварин потер лицо ладонями. Нехорошее впечатление истребители произвели. Вроде наступление началось, готовились весьма тщательно, неплохо готовились. И все равно бардак. Или не бардак? Случилось что-то? Со связью у нас вечные проблемы...

ЛаГГи шли рядом. Кажется, еще приблизились. Военврач стучал себе по лбу, показывал летунам – куда лезете? Действительно, не хватало еще из-за лихачества на землю кувыркнуться. Но на истребителях вряд ли жесты разглядят – иллюминаторы на «Дугласе», того, мутноваты.

Варварин машинально потер плексиглас иллюминатора и пошел к кабине. Навстречу высунулся штурман, покачал головой, – понятно, связи нет. Как-то одно к одному. Нехорошо.

Летчики смотрели на идущие параллельно истребители.

– Вот, товарищ подполковник, опять...

Было видно, как пилот ближайшего ЛаГГа стукнул раскрытой ладонью по сжатому кулаку – жест вполне понятный – и зло ткнул пальцем в сторону. Тут же второй истребитель ушел левее, явно призывая следовать за ним.

Нехорошо. На пьяных не похожи, а зарываются.

– Куда они нас тащить собрались?

– Так кто знает, товарищ подполковник. Там вообще ничего. Ну, еще пара аэродромов подскока, но наши уже ушли оттуда к фронту поближе. А дальше только Ладога.

– Давайте-ка, ребята, возвращаться, – сказал Варварин. – Сядем спокойно в Касимово или на Шоссейной, выясним, что за фокусы...

– Товарищ подполковник, но ведь...

– А давайте без дискуссий, товарищ старший лейтенант. Мы не на бомбежку идем, нечего горячку пороть. Перерасход топлива я на себя возьму, – Варварин сделал знак радисту. – Работай. Что это у вас вечно грозы-ураганы. Небось не Кренкель⁷, во льдах затерявшийся...

– Так помехи какие, – жалобно сказал старшина-радист.

– Ну, покрути там что-нибудь, посоображай...

«Дуглас» плавно заваливался на крыло. Варварин сел на жесткое сиденье, машинально глянул в иллюминатор – истребителей видно не было. Нехорошо. Что-то в них странное...

Самолет неожиданно вздрогнул, клюнул носом. В кабине разом закричали. Нецензурно. Варварин вскочил...

– Он же, гад, нам прямо перед носом врезал, – кричал командир транспортника. – Из всего бортового...

– Понятно. – Варварин машинально поправил кобуру – Вот что, товарищ старший лейтенант. Давайте тянуть на Касимово. Он ближайший из готовых нас принять?

– Товарищ подполк...

Еще не поняли. Смотрят ошалело. Штурман целлулоидную линейку гнет...

– Это немецкая провокация. Так что к бою, товарищи командиры. А ты, земляк, связь рожай немедленно.

Сошлось. Свеженькая покраска ЛаГГов, сияющие красные звезды, странные антенны на истребителях. Варварин был человеком сугубо земным-наземным, но на память не жаловался –

⁷ Кренкель Эрнст Теодорович – известный советский полярник, радист, Герой Советского Союза.

на стандартных «роялях» какая-то иная антенна. Пожиже. Неважно. Еще одно несоответствие. Штрих.

Плохо. Если вычисляли и вычислили, то не выпустят. Чужой радиопередатчик у аэродрома – пропавший вчера «Дуглас» – помехи – истребители. Неужели все по вашу душу, товарищ подполковник? Вычислить сложно... но возможно. И связи, мать их, нет... Откуда вообще могли взяться «фальшивые» ЛаГГи? Ведь в тылу идем...

Ли-2 снижался на широком вираже – наперерез шли две точки. Догоняют...

...Это было почти нестрашно: вспарывали короткие очереди пол и крылья, летел дюраль от плоскостей. Отчаянно пытались достать промелькнувшие истребители пулеметы в шкворневых установках по бортам Ли-2. Тщетно – ЛаГГи атаковали строго сзади-снизу, где транспортник был совершенно незащищен. Горел правый двигатель, «Дуглас», кренясь, шел к земле. Но еще держалась живучая машина, матерились летчики, кричал в шипящую рацию штурман.

Варварин сидел на корточках, прижавшись спиной к переборке. Все было как-то бессмысленно. И ведь не поговоришь с врагом, не обманешь. Тем, кто послал «гробы», был очень нужен подполковник отдела «С». Нет, скорее, человек, знающий и о другом Отделе. Был нужен живым или мертвым. Теперь уже точно мертвым. Может быть, нужно было сесть, где укажут? Парни бы остались живы. Нет, вряд ли. Серьезная игра начата, и свидетели никому не нужны. Да, плохо.

Глядя, как ползает капитан-военврач вокруг вытянувшегося в луже крови коллеги, Варварин, вытащил из кармана удостоверение. Карандаш крошился, писать было трудно...

Подполковник тщательно застегнул карман гимнастерки. Выпрямиться было трудно – самолет все больше заваливался на крыло – за иллюминаторами мелькали такие близкие макушки сосен.

– А, твою!!! – Верхний стрелок, наконец, открыл огонь – истребители уже не могли атаковать снизу – зашли с хвоста. Грохотал «Березин»⁸ – стрелок почти висел на пулемете...

Очередь пушки ЛаГГа срезала край плоскости, и «Дуглас» на мгновение выпрямился. Огонь с горящего двигателя широко лизал крыло. Живучий самолет тянул, оставшиеся в живых члены экипажа и пассажиры ждали скрипа рассыпающегося металла. Огонь и струи воздуха бились в десятках пробоин...

– А я в него попал! – закричал стрелок. – Честное слово!

– Прыгайте, Сашка! Дай докторам парашюты.

– Да куда там прыгать, – прохрипел уткнувшийся окровавленным лбом в рацию штурман. – Лес уж стрижем. Сажай нас, командир.

Варварин мог прыгнуть. Находясь в самолете, еще никто этого не делал, но технически в подобном Переходе нет ничего невозможного. Самое время вспомнить о чипе. Беззвучно дрогнет мир, и окажется майор ВС РФ Сергей Вячеславович Ковтухин где-нибудь в Москве, у Комсомольского проспекта. Переломов, вероятно, не избежать, но в ЦКГ⁹ творят чудеса. Потом выпишут домой, в забытую «двушку» в Орехово. Сестра к тому времени выдворит квартирантов. Можно будет пить нормальный кофе, смотреть телевизор. Пенсию, наверное, дадут...

Варварин стоял в узком проходе к кабине, упирался плечом и рукой в изрешеченную стену. Некуда прыгать. И тому московскому майору, и этому севастопольскому подполковнику прыгать некуда. Дома мы. И еще можно сесть. Можно. Дела у нас здесь.

– Давай сажай, командир. Поспокойнее, – сказал Варварин, глядя вперед. Оттуда, из паутины пулевых отверстий в лобовом стекле, из голубого свистящего июньского неба рос силуэт ненашего ЛаГГа. Затрепетали огоньки пулеметов. Затрясся от попаданий корпус «Дугласа»...

⁸ 12,7-мм авиационный пулемет М.Е. Березина. На Ли-2 устанавливался вариант УБТ на турели.

⁹ ЦКГ – Центральный клинический госпиталь.

Когда падает транспортник, он ничего не поет. Ему некогда петь, он большой и борется до последнего...

Севастополь.

Северная бухта.

8.29

Девушка сидела и смотрела на волну. Волна была как волна, а девушка как девушка. Обе довольно невыразительные. Но довольно чистые. Волна, должно быть, уже в миллионный раз лизала обломок причала, а девушка только что на том обломке бетона стояла и умывалась соленой прохладной водой.

Собственно, девушка была вовсе не какая-то там безличная девушка, а Марина Дмитриевна Шведова, 1925 года рождения, комсомолка, атеистка и, что в данный момент важнее, – старшина, санинструктор медслужбы отдельного взвода ОКР СМЕРШ. Что обязывало не сидеть здесь и бездельничать, а следовать в портовую комендатуру с вверенным командованием секретным пакетом. По случаю нахождения в глубоком тылу санинструкторам вменялся самый широкий круг обязанностей.

Но девушка-старшина никуда не следовала, а недисциплинированно сидела и смотрела на зеленую воду. Нет, купаться Марине не хотелось – чуть больше полугода назад раз и навсегда разучилась любить купания. Просто день был такой... Странный. Плохой, наверное?

Ничего угнетающего в этом солнечном южном утре не было. Лежал город в развалинах, но от мин его уже всю чистили, с пресной водой дело налаживалось, да и вообще война отсюда все дальше уходила. Готовились к боевым походам подлодки и миноносцы, но это будут уже дальние походы, к чужим берегам, к чужим городам, которым еще предстоит наподдать хорошенько, чтоб не лезли их тупые уроженцы в наш советский Крым.

Марина вздохнула, глядя в волну неутомимую, и принялась наматывать портянки. От пристани старшину заслонял искореженный корпус плавучего крана, что подорвали удирающие немцы, и сидеть здесь было спокойно. Можно даже «рассупониться», как говорит начальник.

Пуговки ворота гимнастерки застегнуты, ремень с кожаной (командирской) кобурой нагана затянут. Старшина Шведова поправила косы, зашпиленные на затылке девчачьим «крендельком», и надела пилотку. Подхватив немецкую планшетку с пакетом, привстала...

...и села на не успевший еще хорошенько прогреться бетон. Сердце сжало тем холодом керченским...

...Пора было идти. В отдел вернуться, там еще с аптекой...

Она сидела, до боли сплетя пальцы на черной коже немецкого планшета. Смотрела, не видя, на циферблат часиков. Стрелочки отсчитывали секунды... минуты.

8.40... 8.41...

Случилось. С ним что-то случилось.

Марина замычала, кусая нижнюю губу...

Итог дня.

36-й мсб¹⁰. (40 км от Ленинграда)

20.15

Алексей кряхтел, но себя не слышал. Правое ухо закрывала плотная повязка: вата, марля, бинт вокруг башки. Судя по ощущениям, в ухе кровь запеклась плотным комом, свербело так, что даже головную боль заглушало.

¹⁰ Медсанбат.

Жив был младший сержант Трофимов, и даже толком не ранен, только контужен. Ухо, конечно, того, – пострадало. И на спине две символические, но весьма ощутимые «вавки» – вскользь зацепило крошечными осколками. Гимнастерка, хоть и б/у, но вполне приличная, конечно, пропала бесповоротно.

Кряхтеть, себя не слыша, – занятие бестолковое. Бинтовали спину Алексею уверенно, хотя и грубовато. С такими руками, как у тетки, надо те ящики с выстрелами таскать, а не настрадавшуюся солдатскую плоть обихаживать.

В санбате малость поутихло – поток раненых иссякал, дошло дело до легкораненых-контуженых. Как сюда Алексея дотащили, он не помнил. Пришел в себя уже на подстилке из лапника. Жив, надо же. А лейтенанта что-то не видать. Или отправили как тяжелого, или там у тягача взводного и добило.

Умирали и здесь. Санитары вытаскивали тела, уносили за молоденький ельник. Это правильно, потому как смотреть страшно. Когда в первый раз ранило, Алексей вообще ничего не помнил. Задним умом удивлялся: и как вытащили, как переправили?

За спиной говорили. Звуки младший сержант Трофимов слышал, но толком разобрать не мог. Тронули левый бок – там, где старый шрам был. Алексей вздрогнул – башка болью отозвалась, «вавки» под свежими бинтами с новой силой жечь начало. Старый шрам он, конечно, того – жутковат. Алексей пару раз, изловчась, в зеркало себя рассматривал. Да, такой хреновиной фрицев пугать можно.

– Боец, слышишь меня? – На лапник перед Алексеем сел доктор – халат как у мясника, – руки свежевывмытые вытирает. – Слышишь, говорю?

– В общем, товарищ капитан. Голова гудит. И ухо...

– Пройдет. Очухаешься. Пока на людей смотри – по артикуляции догадаешься. У тебя со спиной когда было?

– Год назад, товарищ капитан. Осколок.

– Да уж вижу, что не из дамского браунинга. И кто ж тебя такого на фронт? Нам здесь доходяги не особо сейчас нужны.

– Комиссию прошел.

– Э, тебе на молокозаводе воевать нужно. Какой идиот тебя на батарею погнал? Небось заряжающим пристроили?

– Радист я.

– Так какого... – Доктор закурил. – Ладно. Не куришь? Это правильно. Вот что, боец, в тыл кататься тебе незачем. Не поймут. Пока здесь остаешься. Сейчас с потоком разберемся, и с особистом ты поговоришь. Я уже вызвал.

– Товарищ капитан...

– Я вам дам, товарищ капитан. Охренели вовсе. Как в сорок первом. Батарейцы, боги войны, мать вашу... Я ваш дивизион уже приметил, дождутся там... Сиди, отдыхай, однобокий...

Капитан пошел в операционную палатку, а Алексей попытался удобнее улечься. Потянул к себе шинель – вроде ничейная...

Башка кружилась, била толчками в виски кровь и глухая канонада. Вроде стихает там...

* * *

Оборона финнов прорвана. Пять тысяч пятьсот орудий, восемьсот восемьдесят реактивных установок, дивизионы особой мощности, орудия кронштадтских фортов, орудия линкоров и канонерских лодок Балтийского флота... Двести тысяч снарядов за сутки... Противника просто смели.

Остатки финских частей отходят лесами ко второй линии обороны.

Наши безвозвратные потери за 10.06 были самыми большими суточными потерями в наступлении на Карельском перешейке.

Глава первая

11 июня 201 года*

Москва.

Крымская набережная.

21.20

– Предлагаем отправиться на вечернюю подсветку Москвы-реки. Вокруг Золотого острова, по Водоотводному каналу, мимо храма Христа Спасителя. Продолжительность экскурсии два часа. Желающих просим занимать места, – призывал мегафон.

Моторный баркас покачивался у причала. Желающих прокатиться пока не наблюдалось. Хотя по набережной народ прогуливался толпами. Начало уик-энда – все, кто не покинул город, потянулись в парки.

Женька с подругой сидел на ступеньках широченного «амфитеатра», спускающегося от набережной к речной мутной воде.

– А ничего так, – между прочим заметила Ирина, ставя на ступеньку бутылку безалкогольного пива.

– Ничего, – согласился Женька, покосившись на зазывалу-экскурсоводшу в выразительных белых бриджах. – Загорелая. Но видали мы и получше.

Иришка крепче сжала бутылку.

– Все-таки ты странная особа, – сообщил подруге Евгений Земляков, скручивая голову вяленой корюшке. – Все знаешь, но бессмысленно провоцируешь. Ты же мигом учуешь, если я на девчонок глядеть начну.

– «Учую», – пробормотала Иришка. – Фу, как неромантично. Ты, Джогнут, совсем сапогом стал.

Женька вручил возлюбленной очищенную рыбку спинку. Слышать почти забытое прозвище, сидеть на теплых камнях, смотреть на проплывающие прогулочные теплоходики, на заходящее солнце и слушать, как подруга пытается ревновать, было приятно. Находился рядовой Земляков в законном увольнении, пусть и в краткосрочном. Имело смысл полноценно наслаждаться жизнью. Конечно, можно было метнуться домой и ускоренно предаться блуду, что было бы тоже неплохо, но уж точно абсолютно не романтично.

Евгений Романович Земляков, военнослужащий срочной службы, и студентка Ирина Кирилловна состояли в отношениях глубоко серьезных, продолжительных, в которых суе места уже не было. Тем более завтра вечером Женька собирался покинуть место дислокации минут этак на сорок и прокатиться с подругой на ее лимузинчике по Оболенскому переулку. Там вечером весьма безлюдно и спокойно. В общем, как раз романтично.

Диетическая кола в сумке-холодильнике нагреться не успела. Женька делал осторожные глотки. Жмурился на заходящее солнце.

– Вроде как все так мирно и благостно, – пробормотала Иришка, высматривая еще кусочек очищенной рыбки. – А облома так и ждешь.

Женька пожал плечами, вручил подруге аппетитный хвостик и принялся чистить следующую корюшку. Мир несовершенен. Утром в спорт-уголке сломался «Гиммлер», и где теперь искать манекен-тренажер, непонятно. Потом плотно забуксовал перевод выдержек из ЖБД¹¹ 5-й пехотной румынской дивизии. Вообще непонятно, кто и как его на немецком корябал – просто кроссворд какой-то и явная деза. Да еще эти новости о сегодняшнем теракте в Лужниках. Новости хоть и не хочешь, но слышишь. Собственно, никто там серьезно не пострадал,

¹¹ Журнал боевых действий.

странное происшествие, двое легкораненых, но ведь совсем рядом случилось. Иришка по Комсомольскому несколько раз в день гоняет, да и вообще... Мирное, но крайне нервное время.

Рядовой Земляков служил переводчиком. Приходилось и в командировках бывать. С полевыми-боевыми выходами. И нынешние мирные времена с полномасштабной войной Женька путать не собирался. Но вот ощущение близкого «облома» действительно присутствовало...

*...Но раненому сердцу
Трудно без любви своей!!!
Но я...
Но я най-йду!!!
Тебя меж землей и небом!!!¹² —*

орали динамики с нарядного вишневого теплоходика. Проплывала «Амели» – крайне шумное прогулочное судно. Гуляет народ, развлекается. И это, наверное, хорошо.

– Гуляют, – задумчиво сказала Иришка. – Свадьба. По пятницам всегда свадьбы. Идиотизм. Столько денег угроживают. Мне на той неделе тоже подарок искать и на торжество идти. Марфа своего доконала. Помнишь Марфу?

Женька не помнил. Наверное, в прошлой жизни Иркину подружку как-то иначе звали. Марфи или Марпл. Еще полгода не прошло, а ведь натурально иная жизнь. Да и фиг с ней, с прошлой. У нас Иришка есть и этого вполне достаточно.

Иришка была. Очень даже. И ножки точеные, мини-юбкой символически прикрытые, и топик миленький, и босоножки на платформе-танкетке, да еще с актуальными поднятыми-задранными супермодными носами. Поглядывает народ. А, между прочим, все это для одного человека надето. Можно таким достижением гордиться? Да, zweifellos¹³.

– Ир, давай сэкономим и просто так сто лет проживем. Вместе. И без всяких понтов, – неожиданно для себя ляпнул Земляков.

Иришка поправила темные очки, придерживающие надо лбом рыжую челку и, шурясь, сказала:

– Я, естесно, на платье в стразах рассчитывала. Но экономия, тоже верно. Скромно съездим в Куршевель или Ишгль¹⁴. Расскажешь мне на природе о Зимней войне. Я как раз недавно читала ужасную книгу...

– Ир, твои лыжи горные – ужаснее любых мемуаров. Не спорт, а чистая клиника. А о Финской я ничего не знаю. Честное слово.

– Ладно, о другом каком-нибудь конфликте расскажешь. Не вдаваясь в подробности. Ты уже свободным будешь человеком, только подпиской связанным...

В кармане спортивных Женькиных штанов завибрировал телефон, и, хотя звук был выведен на минимум, Иришка замерла.

Выковыривая упрямый «самсунг», Земляков подумал, что загорать подруге не нужно – бледность в сочетании с загаром вообще жуткая вещь.

– Земляков, – прибыть в расположение, – приказала трубка спокойным голосом начальника Отдела. – Уяснил?

– Так точно. Буду через пятнадцать минут.

Женька сунул телефон в карман и принялся сворачивать салфетку с рыбьими головами.

– Я сама, – прошептала Ирка. – Иди. Только осторожнее будьте.

¹² «Спаси меня» (Стас Михайлов).

¹³ Несомненно (нем.).

¹⁴ Ишгль – горнолыжный курорт Австрии.

– Да ты что? Это ж просто проверка. Не положено нам так часто гулять по увольнениям. Вот и...

Иришка кивнула.

Губы у нее были сладко-соленые. Вкус этого пива смешного и ненастоящего, рыбки, помады...

Взлетев по ступеньке к набережной, Женька обернулся – подруга смотрела вслед. Сдернула очки со лба и вдруг злобно завопила:

– А я все равно с вами буду! Так и знай!

Женька махнул рукой. Ох, девчонка, все равно, девчонка.

Уже рыся по набережной, полной гуляющей публики, Земляков еще разок обернулся. Отсюда, от старинной беседки, просматривались все ступени длинного амфитеатра. Как раз удалось полюбоваться, как обожаемая Ирина Кирилловна, широко размахнувшись, зашвыривает в реку недопитую бутылку с безалкогольным. Вот руку обрызгannую принялась отряхивать. Похоже, окропленные соседи высказали что-то назидательное. Иришка, судя по резкому движению, ответила. Ой-ой, это она может. Правда, за последние полгода как-то сориться не доводилось, но...

Пятясь, Женька с чем-то ощутимо столкнулся. Оказалось, велосипедист, весьма похожий на известного музыканта Макаревича. Велосипедист поправил соломенную шляпу и укоризненно поинтересовался:

– Пожар? Землетрясение?

– Вроде того. Извините.

Двойник музыканта (или не двойник?) покатил на своем белом «коне» в одну сторону, а Женька, петляя между гуляющими и катающимися, ускоренно двинул в другую. Рысь пришлось сбавить – йоркширские терьерчики так и кидались под ноги, заливаясь отчаянным визголаем. Блин, да сколько же их тут?

По-настоящему Земляков побежал, только выбравшись на мост. Народ предпочитал гулять вдоль открытых балюстрад, и здесь, под душным стеклянным перекрытием, было совершенно пусто...

* * *

Рысил Женька энергично – пятнадцать минут, это пятнадцать, а не двадцать, или там какие-нибудь компромиссные восемнадцать. Отдел «К» точность ценил, несмотря на то, что привык оперировать годами и десятилетиями. Операции в прошлом, пусть, условно говоря, и «параллельном» – довольно специфичный профиль службы для подразделения МО РФ. И рядовой Земляков был полностью «в теме».

Еще рядовой Земляков был в поту и тревожном недоумении, поскольку пробежка вышла совершенно незапланированной. Чего это в пятницу, да еще вечером, вдруг аврал? В общем, когда почти у самого КПП Женьку окликнули со стороны, особенной радости рядовой не испытал.

– Евгений! Кого я вижу!

Мужик, протирающий лобовое стекло черного «Вольво», был вроде бы знаком. Смутно. Среднего роста, склонный к полноте (или уже толстоватый?). Совершенно банальная блеклая физиономия, неброский летний свободный костюм...

– Не узнаешь, Евгений? – Мужик улыбнулся чуть иначе. – Ай-ай, а еще и пары месяцев не прошло. Что у вас, у молодежи, с памятью...

Тьфу, сейчас Женька его узнал. Как же, были официально представлены, даже довелось сидеть за одним праздничным столом.

Земляков пересек газон, пожал пухлую ладонь:

– Здравствуйте, Виктор... э-э...

– Виктор Иванович. Попутный – такое наше родовое фамилие. Как жизнь-то, Евгений?

– Хорошо жизнь. Виктор Иванович, я вас искренне рад видеть во здравии и бодром расположении духа. Вот только, извините великодушно, время поджидает. Отпросился на полчасика с мамой повидаться, если застряну, замкомвзвода шуметь будет.

– Вопросы нет. Что я, не понимаю, сам служил. Дуй! Привет маме и замкомвзвода.

Женька пролетел через КПП, кивнул дежурным комендачам. Во дворе, сдергивая с себя пропотевшую футболку, выдернул из кармана электронный ключ. Станный все-таки тип этот Виктор Иванович. Тогда его как-то так уклончиво представили...

Рядовой Земляков влетел в коридор Отдела и чуть не врезался в собственного непосредственного начальника. Впрочем, сшибить с ног старшего лейтенанта Коваленко мало кому удавалось, посему Женька рикошетом отлетел к стене и был поддержан крепкой командирской рукой.

– Это чего за агрессивный стриптиз? – удивился Коваленко.

– Вызывали, пробежался немножко, – прокряхтел Женька, отклеиваясь от стены.

– Давай, в порядок себя приводи. Совещание у нас намечается.

Дверь в Расчетную группу была распахнута, там спорили на повышенных тонах. Вероятно, срочные координаты вводят. И что это за полундра, интересно?

Женька проскочил к себе, окончательно содрал спортивное. Запрыгнул в камуфляж. Что могло произойти? До операции в Румынии еще месяц времени по отсчету «Ноля»...

Требовалось умыться. Женька двинулся к душевой, увидел сидящих в пищеблоке начальника Отдела подполковника Александра Александровича Варшавина и Коваленко.

– Рожу умой, и сюда, – не оглядываясь, приказал Варшавин.

– ...а как это могло случиться, он же в тылу был? – скованно спросил Коваленко.

– При такой работе... – Сан Саныч мерно постукивал фильтром по сигаретной пачке...

Женька пытался осмыслить. Майор Варварин пропал. Очевидно, погиб. «Разбился». Нет, как-то вообще не складывается. Женька знал Варшавина лично. В 1943-м почти неделю вместе работали, и в Крыму 44-го мельком пересеклись. Профессионал. Конечно, он не первый из агентов «К», кто не вернулся в Отдел. Но «разбился»... Быть такого не может. Дезинформация? Ошибка? Вообще откуда эта шифровка взялась? Некому ее было отправить. Да и вообще чушь какая-то в ней...

– Разбор версий отложим, – сказал Варшавин, швыряя раскрошенную сигарету в мусорное ведро. – Пошли в кабинет. Аналитика сейчас подтянется, все нам растолкует...

Кабинет начальника Отдела был распахнут. Внутри стоял, заложив коротенькие руки за спину, Виктор Иванович и любовался висящим на стене, прикрученным к красивой дубовой дощечке, маузером К-96. Пистолет был, конечно, макетом, но хозяин кабинета Сан Саныч почему-то игрушкой чрезвычайно гордился. Возможно, из-за шутливой именной надписи на рукоятке.

Женька огорчился. Мог бы и сразу допереть, что совпадений не бывает. Значит, расследование будет вестись совместными силами. Ну, ведомство Виктора Ивановича особой любовью в армии не пользуется, хотя, с другой стороны, человек он знакомый. Можно сказать, «с рекомендациями».

– Знакомьтесь, – сказал Варшавин. – Собственно, с Земляковым товарищ майор уже знаком.

– Так точно, мы уже поздоровались, – признался Женька.

Варшавин представил гостю нового начальника Полевой группы.

– Смена, значит? – Попутный оглядел старшего лейтенанта, потом кивнул Женьке: – В камуфляже-то оно привычнее, а, Евгений? А то красный как помидор – «Меня мама не отпускала...»

Сан Саныч посмотрел на подчиненного и сказал:

– Заканчивай, Виктор Иванович, подчиненных мне смущать. Не то настроение.

Попутный вздохнул:

– Понимаю. Но все еще вполне может разъясниться. Давайте будем оптимистами.

В коридоре заговорили – прибыл представитель АЧА¹⁵.

* * *

Дело рядовых – помалкивать, пока начальство прямо не спросит. Женька и помалкивал. Поскольку вообще мало что понимал.

– ...Собственно, это не шифровка. Зашифровано лишь название аэродрома. Довольно примитивно, зная, где находился пропавший агент, раскрыть код несложно. Остальной текст сообщения вполне обычен, стилизован под черновик письма домой. Второго и третьего смысла в послании мы не обнаружили. Насколько я понимаю, ваш внедренный агент постоянно придерживался подобной практики, – представитель АЧА закрыл крышку ноутбука, демонстрируя, что общий анализ послания закончен.

– По сути, нас лишь уведомляют, что Варварин больше на связь не выйдет? – уточнил майор Попутный.

– Полагаю, что так, – подтвердил аналитик АЧА. – Написано стандартным карандашом ТМ. Скорее всего производства фабрики имени Сакко и Ванцетти. Варварин пользовался таким же. Бумага «Для заметок» писчебумажной фабрики им. Горького широко использовалась в штабной работе. Возможно, здесь будут еще какие-то уточнения, наша лаборатория с результатами тянет.

Женька представителя АЧА знал еще по старым добрым временам – Александр Новик курировал взаимодействие нового аналитического центра с Отделом «К». Зачем вообще создали столь мощную структуру, было непонятно, но и по определению некоторые вещи рядовым срочной службы знать не положено. По крайней мере, работали «чрезвычайщики» оперативно, этого не отнять.

Коваленко кашлянул:

– Извините, я человек новый, некоторых нюансов еще не улавливаю. Погиб наш ключевой агент. Погиб при исполнении, на боевом задании. Я понимаю, – что-то в происшедшем настораживает наше руководство. Но практически... Извините, действительно не улавливаю. Сбили самолет или сам он разбился, так? Это и сейчас-то сплошь и рядом, а уж на той технике. Еще раз извиняюсь, я, конечно, лично Варварина-Ковтухина не знал, возможно, неуместно мне высказываться...

– Брось, Валера, официальщину, – пробормотал Сан Саныч. – Все мы друзей теряли. Мы в «кальках», ты в других регионах, в общем, поминать погибших позже будем. Теперь по ситуации... В произошедшем есть... нечто. Беспокоящее. Не только нас, но и коллег из иных ведомств. Приказано разобраться. В кратчайшие сроки.

– Да, шифровка настораживает, – согласился Коваленко. – Предлагаю просчитать варианты и сходить. С обратной коррекцией. Глянем, кто это сообщение отправил.

– Мысль хорошая, – воодушевленно закивал Виктор Иванович. – Отличная мысль. Логичная, своевременная и правильная. Жаль, что задача нам поставлена несколько иная. Просят нас разобраться, что стряслось непосредственно с Варвариним. Так сказать, собственными глазами и ушами. А вот по источнику шифровочки из замечательного южного города-героя придется подождать. Ибо, распылять силы, как я понимаю, нам смысла нет.

¹⁵ Агентство Чрезвычайной Аналитики.

– Виноват, опять не понимаю, – признался Коваленко. – Мы четко знаем время отправки шифровки. Идем с обратной коррекцией, выясняем обстоятельства. Так? Потом действуем по этим самым обстоятельствам. Время мы не теряем, так что...

– Мы Там время не теряем. А здесь оно идет. Линейно и весьма стремительно, – сказал Сан Саныч. – На выполнение задачи нам дано трое суток.

Женька подумал, что за трое суток как раз можно сочинить обстоятельную объяснительную. Товарищи офицеры подошьют к ней рапорты с прошением об увольнении из рядов ВС, а рядовой Земляков отправится в казарму комендантского взвода – выполнять нелегкие, но почетные обязанности нормального военнослужащего срочной службы. Ибо наверху совсем офигели. Трое суток. Ага, сейчас...

– В каком смысле трое суток? – пробормотал Коваленко. – Это что за сроки удивительные?

– Сроки, обусловленные сложившейся на сей час обстановкой, – охотно пояснил Попутный. – Руководство очень надеется на наш опыт и оперативность. Нужны пояснения?

– Так хотелось бы. Как я понимаю, нам с вами туда и идти, – довольно резко сказал Коваленко.

– Именно, – Попутный взглянул на начальника Отдела. – Имеет смысл продолжить треп в узком кругу?

– Да куда уж уже. – Сан Саныч посмотрел на Женьку. – Земляков, выйди. На пять минут. Не будем мы твой допуск отягощать...

На турнике во дворе рядовой Земляков сделал энергичный подъем переворотом и уселся на теплую перекладину. Было почему-то обидно. А чего, собственно? На фига нам эти допуски? Тут и так, пожалуй, в Куршевель уже так запросто не прогуляешься.

К турнику подошли мающиеся бездельем комендантские:

– Слушай, Земляк, не знаешь, чего нас завтра в город не пускают? Совсем уже беспредел навели.

– Да фиг его знает. Сам сижу как пристегнутый. Такой перевод впендюрили, прямо хоть вешайся, – Женька спрыгнул с турника...

В кабинете было тихо. Светился единственным огоньком «пилот». Компьютер выключен, лампы выключены. Женька сел в кресло, глянул на ряд томов словарей. А ведь теперь операцию в Румынии отменят. Без Варварина смысла нет. Тьфу, черт, никак осознать невозможно. Наверное, и в опергруппу не возьмут. А зря. У Коваленко это будет первый Прыжок. Этот, который Виктор Иванович, вообще... Специфику работы в пересказе и по отчетам-докладам воспринять сложно...

Касимово. Это где-то под Ленинградом. Там сейчас наше наступление. Женька занимался документами по немецким конвоям из Таллина. Но тогда общая обстановка только краешком в мозгу отложилась.

– Ого, так это здесь главный лингвистический центр? – В дверь заглядывал улыбающийся Виктор Иванович.

– Так точно! – Женька вскочил, одернул форменную куртку.

– О, субординация. Уважаю.

– Товарищ майор, я приказом под ваше руководство уже выведен?

– Еще нет. Сейчас настучат-подпишут.

– Тогда разрешите отвлеченный вопрос. Или просьбу.

– Давай-давай, формулируй.

– Виктор Иванович, у меня в личном деле написано «психологически устойчив».

– Серьезно? Хоть и не читал, но верю и поздравляю.

– Читали вы все. Я к тому и говорю. Вы меня, пожалуйста, в серьезные моменты не прокачивайте. Отвлекает. Я все-таки не урожденный немец. Работа с переводами полной сосредоточенности требует. А я все-таки «устойчивый», а не вовсе «непоколебимый».

– Понял, – уже без своей отвратительной улыбочки кивнул Попутный. – Ох, кого-то мне эта устойчивость-непоколебимость напоминает.

– Так у вас оттуда же рекомендация, товарищ майор, – неловко сказал Женька, подвигая кресло новому начальству.

– Да, порой женское общество воистину облагораживает, – неожиданно грустно сказал Попутный. – Ладно, нужно нам срочно сработаться. Откровенно говоря, я был против твоего включения в группу. Срочные переводы с древнефашистского нам вроде как без надобности, да и вообще я один работать предпочитаю. Привык, понимаешь ли. Но специфика есть специфика. Кроме того, ты, выходит, из нас, туристов, единственный, кто Варварина лично знал. Возможно, опознание понадобится.

Женька вздохнул:

– Понимаю.

– Вот и ладушки. Работаем. – Попутный крутанулся в кресле и встал. – Наваливайся, товарищ рядовой.

Женька потянулся включить компьютер, майор задержался в дверях:

– Вообще-то я вредный не только потому, что у меня велосипеда нет. Целесообразность, Евгений. Я, понимаешь ли, практик.

– Я понял. Но уж очень вы естественно целесообразный.

Попутный ухмыльнулся:

– На том стоим. А скучно нам без товарища сержанта, а, Евгений?

– Так точно. Все жду, когда меня за шиворот встряхнет. Ну, приходится самовстряхи-ваться.

– М-да, душевненько мы работали. Ну, даст бог...

Задачи опергруппы «Линия»

Расследование обстоятельств инцидента с агентом В4.

Сроки по отсчету «Кальки» 14–16 июня 1944 г.

Зона действия: аэродром Касимово (далее – по обстоятельствам).

Контакта с ОКР СМЕРШ и иными официальными структурами избегать всеми силами, контакты с офицерами и рядовым составом армейских частей и гражданскими лицами свести к минимуму.

Расчет привлеченных сил и средств:

1. Командир группы – майор Попутный В.И.

2. Заместитель командира группы (охрана и боевое прикрытие) – ст. лейтенант Коваленко В.С.

3. Специалист-переводчик (и.о. инструктора по вводу и технической координации), ефрейтор Земляков Е.Р.

Переброску осуществляет стационарный центр координации «Фрунзе-1». Старший расчетной группы капитан Филиков А.Р.

* * *

Нельзя объять необъятное. По сути, Женька первый раз готовился к командировке, не имея конкретной, четко поставленной задачи. Ну и что прикажете изучать? Краткий очерк по подготовке и проведению Выборгско-Петрозаводской наступательной операции? За двенадцать часов ого как продвинешься...

...Первая, основная линия – отлично оборудованная в инженерном плане полевая оборона с развитой системой минных полей и заграждений. За ней, в 25–40 километрах севернее, тянется разветвленная, пусть и не совсем достроенная линия ВТ¹⁶. Здесь долговременные огневые точки, множество стандартных малозаметных бетонных сооружений, бронеколпаки, убежища, бетонированные позиции для орудий ПТО, сложная сеть инженерных заграждений. То, что названо «Новой линией Маннергейма». И третья, тыловая, линия ВКТ¹⁷ (Выборг имел также внутренний оборонительный обвод и был подготовлен к круговой обороне), вписанная в чрезвычайно сложную, с многочисленными водными преградами и межозерными дефилами, местность. Здесь финны готовы окончательно остановить каким-то чудом просочившегося врага. Да, и здесь строительство комплекса оборонительных сооружений еще не закончено, но попробуй, подойди...

...Офицерам большинства частей до командира взвода включительно были выданы аэрофотоснимки финских укреплений.

Перед операцией предстояло решить сложную задачу – скрытно перебросить на Карельский перешеек 21-ю армию и перегруппировать войска. Но передвижение многочисленных войск и боевой техники из районов Стрельны и Ропши через Ленинград могло привлечь внимание вражеской разведки. Подходящих же обходных путей восточнее Ленинграда не оказалось. Между тем наступили белые ночи, что еще более усложняло перегруппировку. Выход все же удалось найти. Оперативная маскировка при переброске 21-й армии достигалась комбинированным путем: 30-й гвардейский и 109-й стрелковые корпуса были перевезены из района Ораниенбаума в Лисий Нос на судах Краснознаменного Балтийского флота, а 97-й стрелковый корпус – по железной дороге и путем передвижения мелких подразделений по разным направлениям через Ленинград в часы наибольшего оживления на улицах...

...Отдельные гвардейские танковые полки совершили прорывы (Т-34/76, КВ-1 и КВ-1С, МКIV «Черчилль», новейшие ИС-2), а также тяжелые самоходные полки (САУ ПСУ-15 2) и самоходные полки (СУ-76М). Наравне с этим в составе войск фронта имелось достаточно много танков Т-26...

...Всего на Карельском перешейке командование фронта сосредоточило почти 260 тысяч бойцов, около 7,5 тысячи орудий, около 600 танков, САУ и броневых автомобилей...

...превосходство над противником:

по пехоте – в 2 раза,

по артиллерии – в 6 раз,

по танкам – в 7 раз,

по авиации – в 5 раз...¹⁸

– Сейчас у меня крыша поедет, – печально признал Коваленко. – Я чего-то об этом наступлении толком и не слышал. Явные пробелы в образовании. Тут, оказывается, и десанты были...

Женька начальника понимал – Коваленко был морпехом урожденным – появился на свет и вырос в Балтийске, окончил ДВОКУ¹⁹.

Моря-океаны российские видел все, воевал, правда, на просоленных отнюдь не морской солью горах, ну, и чуть-чуть в курортном Потти, но так уж сложилось.

¹⁶ Рубеж Ваммелсуу – Тайпале: 926 долговременных железобетонных сооружений.

¹⁷ Выборг – Купарсаари – Тайпале.

¹⁸ Несомненно, в своих разработках Отдел «К» использует архивные документы из фондов «ограниченного доступа». Тем не менее талантливые труды отечественных историков Ильи Борисовича Мощанского «Штурм «Карельского вала» и Баира Иринчеева «Забывтый фронт Сталина» также использованы в подготовке данной операции, за что этим авторам огромное спасибо от Отдела «К» и всех заинтересованных лиц и организаций.

¹⁹ Дальневосточное Высшее общевойсковое командное училище в г. Благовещенске.

– Да, даванули наши крепко. – Женька посмотрел на пачку распечаток. – Но это все довольно далеко от Касимова. Самолет уходил на юг, упасть или сесть должен был далеко от линии фронта. Нам бы координаты поточнее. Но если АЧА не нашла, то самостоятельно запросив, мы из архивов не меньше месяца ответа ждать будем.

– Что-то здесь неясностей много. Мрак какой-то и уфологические тайны Лубянки. Как шифровка вообще к нам ушла? Это же не может быть случайностью. Варварин был глубоко законспирирован. Работал, можно сказать, в полной изоляции.

Женька пожал плечами. Из агентов «К» отправить шифровку по каналу «маяка» Варварина действительно никто не мог. Отдел имел еще двух агентов в рабочей «калке». Но В7 (Валша) сейчас «отдыхал» в Краснодарском госпитале, второй агент, имя которого знал только Сан Саныч, безвылазно находился в «той» Москве. По сути, непосредственно в отправке шифровки ничего мудреного не было. Схема из трех чипов в автоматическом режиме раз в сутки давала импульс, перемещая контейнер в базовую «почту». У Варварина контейнером служил пузырек с какой-то дрянью для чистки-пропитки сапог. Шифровка, всунутая вместо пробки-затычки, всегда ядрено благоухала и служила основанием для неизменных шуток. Но никаких сбоев до сих пор не было. Собственно, Варварин был единственным агентом, регулярно поддерживающим связь с Отделом. Валша совершенно «тамошний», уже, должно быть, окончательно забывший, что родился в 1982-м, а не в 1915-м. Обычное дело для агента. О московском резиденте Женьке вообще ничего не было известно. Наверное, уже давным-давно прижился-врос.

– Кто шифровку послал? – задумчиво пробормотал Коваленко, прихлебывая холодный чай. – Эксперты говорят – «женщина». «Образованная, от 17 до 30 лет». Какая у Варварина могла быть женщина? Он ведь, по сути, Штирлиц был...

Валерий Сергеевич Коваленко, несмотря на свой двухметровый рост, физиономию урожденного морпеха и немаленький житейский опыт, оставался романтиком. Откровенно говоря, Женька раньше полагал, что такие люди уже вымерли. Если они вообще когда-то были, а не беспочвенно выдумывались в старинных фильмах-романах. То-то у нового начальника и этакая смутная история с молодой женой вышла, из-за которой развелся старлей скоропалительно и из Балтийска перевелся. Вот по сыну двухлетнему Коваленко жутко скучает.

Интересно, какая мамаша из Иришки получится?

– Слушай, что-то мы окончательно обалдели, – пробормотал Коваленко. – Пошли, разо-мнемся.

– У нас «Гиммлер» не в форме, – напомнил Женька о павшем на боевом посту манекене.

– Вернемся – починим. Или нового достанем, я уже почти договорился. Сейчас в тир заглянем. Пора бы вспомнить, что не только с бумажками работаем.

– Мы, вообще-то, теперь следственная бригада, – уточнил Женька.

– В форме себя держать нужно, – заявил начальник, бумажки страшно не любящий.

Треск коротких автоматных очередей наушники глушили, но не то чтобы совсем. Старлей стрелял с одной руки, удерживая ППШ на пистолетный манер. На взгляд Женьки, все это выглядело порядочным баловством и показухой, но действия начальства комментировать – дело сугубо неблагодарное.

– Баланс совсем не тот, – сокрушенно сказал Коваленко, вынимая опустевший диск.

– Так серийный же агрегат, – заметил Женька, вставляя магазин в свой ТТ.

Начальство придирчиво понаблюдало за стрельбой, потом заявило:

– Высишь порядком. А так ничего. Особенно для переводчика.

– Учили доходчиво.

– Ладно-ладно. Тут куда ни сунься, все на вашу легенду отдельскую натыкаешься. Я понимаю, что мне до такой крутизны модельной, как до... Но высишь ты все равно...

– Учту и отработаю.

– Вот сейчас и учти. Патронов мало?

Женька отстрелял еще магазин.

– Вот так, шажок за шажком, – наставительно прокомментировал начальник. – Я не барышня, мне «все и сразу» не нужно. Но с живого не слезу.

– Ну, она, собственно, и с полумертвого фиг слазила, – пробормотал Женька. – Можно, товарищ старший лейтенант, уточнение?

– Угу. Только давай на «ты» переходить. Самое время. Как я понимаю, через пару часов ты меня резко в должностном росте догонишь.

– Только слегка. На звездочку. ТАМ переводчик-ефрейтор – нонсенс. Но я в философском плане хочу высказаться. Понимаешь, там – не история. Там мы. Живые. Только семьдесят лет назад. Понятно, что этого объяснить нельзя. Отсюда кажется – легенда, историческое и героическое прошлое. Но... В общем, мы – свои. Хотя и не можем об этом никому сказать. ТАМ все живые. Не памятники и не фотокарточки черно-белые...

– Умом я понимаю, – Коваленко постучал-побарабанил ногтем по пустому диску. – С другой стороны, один хрен, как-то не очень верится...

– Это пройдет. Очень быстро.

– Ладно. Давай-ка еще магазин спали, и пойдем читать, что мы, тамошние, тогда творили...

...Основной удар был нанесен вдоль шоссе Белоостров – Выборг. Превосходство наших частей было полным. Через двадцать минут после начала атаки гвардейцы 30-го стрелкового корпуса заняли финские траншеи. Командир 1 – го пехотного полка финнов подполковник Вильянен потерял управление батальонами – остатки полка в панике отступали на север...

...10-го июня советская авиация совершила около 1000 самолетовылетов...

...около полудня гвардейцы вышли к реке Сестре. Взорвать мост финны не успели, и нашим танкам удалось проскочить на тот берег...

...поднятым по тревоге егерям были розданы патроны и гранаты, после чего бригада форсированным маршем на велосипедах выдвинулась в район Кивенаппа²⁰. Егеря получили панцерфаусты, но пользоваться ими никто не мог...

...финское командование начало эвакуацию, в 10 километрах южнее уже находились наши части...

...вдоль шоссе Кивенаппа – Линтула финнами был подготовлен противотанковый заслон из 17 пушек ПАК-40. Противнику удалось подбить 17 наших легких и средних танков, но заслон был сбит. Финны отошли под прикрытие «Линии ВТ»...

²⁰ Ныне поселок Первомайское.

Глава вторая

13 июня 1944 года

Утро

Активно работает наша авиация. В направлении на Сийранмяки атакуют 381-я и 281-я стрелковые дивизии. Начата переброска артиллерии в сектор Куутерселькя.

Несколько километров

от хутора Питка-Кюлля.

15.45

– Вот же, сопля китайская, мы так вообще не дотащимся, – бормотал капитан Голуб, привстав на сиденье «Виллиса» и озирая разодранную гусеницами грунтовку.

– Да тут рядом, доплюнуть можно, – заверил водитель, но уже без прежней уверенности.

Блуждали уже четвертый час. Сначала вывернули на «короткую» дорогу, по которой, как клялся водила, «еще вчера стрижом летал». Может, так оно и было, но сейчас у съезда на разбитую гусеницами просеку красовался кол с прибитой фанеркой, на коей было начертано строгое «Осторожно, мины!» за подписью некоего напрочь чуждого каллиграфии Митрофанова. Потом уперлись в ров, потом ждали, пока пройдет по большаку длинная колонна спешно перебирающейся на новое место гвадп²¹. В общем, заплутал «Виллис». Вроде в штаб дивизии ехали, а «по доплюнуть» как на соседний фронт.

– Здесь Питка-Кюлля, а это на Хереля, – бормотал капитан, водя ногтем по карте. – Ну и где этот Сийран... – пир... – т... – ти?²²

– Так мы поворот минут двадцать как проскочили. Тут рядом, – осторожно пояснил водитель.

– Опять рядом?! Ты, Хворостин, не водитель контрразведки, а диверсант инстинктивный. Раздолбай и брехун несознательный, – разъярился капитан. – Разворачивайся. Доберемся, я тебе, лахтарю²³ колесному...

Пассажиры не вмешивались. Алексей сидел, неудобно поджав ноги. От тряски кружилась голова и вновь стреляло в ухе. Попутчику-старшине тоже было несладко – его три дня назад зацепило осколком по спине. Из санбата сбежал, добирался к своим в разведбат, но кататься в тряске «Виллисе» ему было рановато. Ну, понятно, что в госпиталь ехать не хочет, чтобы от своей дивизии не отстать. Тут вроде как все свои, даже этот самонадеянный раздолбай Хворостин. Один Алексей приткнулся вроде довеска-балласта. Даже не поймешь: свидетель или подконвойный? Настучал злопамятный хирург в штаб дивизии, времени не пожалел, – вон и целая папка с докладными имеется. Легкораненого Трофимова уже и особист госпиталя допрашивал, в здоровое ухо дурацкие вопросы орал. Теперь в дивизионном отделе вообще доконают...

«Виллис» развернулся, проскочил мимо уже знакомых траншей – у бугорка виднелась малоразборчивая табличка с финской надписью. Небось тоже мины. Боев здесь не было – финны, обойденные с фланга, сами спешно драпанули.

Машина вернулась к большаку – снова шла длинная колонна. Похоже, боеприпасы. К новому удару наши готовятся, тут и к бабке не ходи. Ночи короткие, спешат. Да и какие тут ночи? Так, белоночь...

– Значит, направо. Понял, Хворостин?

²¹ Гвардейская артиллерийская дивизия прорыва.

²² На карте капитана Голуба часть населенных пунктов носит вымышленные названия. Вероятно, в целях соблюдения секретности.

²³ Лахтарь – (букв, мясник) прозвище финских белогвардейцев.

– Так точно, – бодро кивнул водитель.

– Товарищ капитан, если направо, опять к тем сожженным машинам выедем, – сказал старшина.

– Действительно. – Капитан глянул на водителя. – Ну, что молчим, Хворостин? Ты же вчера меня вез. Ладно, я спал. Но ты-то на трезвом глазу ехал...

– Так точно. Так мы ж с другой стороны, сразу за хлебовозкой шли.

– Тьфу, сопля китайская, хлеборезкой за хлебовозкой, твою... Давай за колонной. До ближайшего поста...

Ехать за колонной было сложно – пыль душила. Подотстали, колонна умчалась куда-то вправо. Капитан уже и ругаться не стал, лишь холодно процедил:

– Хворостин, или ты нас к посту вывозишь, или я тебя...

– Так вот же, товарищ капитан, машина снабжения загорает. Сейчас проясним.

На обочине, у съезда на очередную просеку, стояла полуторка с бочками в кузове. Водитель возился у поднятого капота.

– Этот небось и сам заблудился, – пробурчал Голуб, разглядывая неказистого пожилого шофера в замызганной телогрейке.

– Да нет, гэсээмщик, они ж все знают, – безосновательно бодро заверил Хворостин.

– Эй, боец! Пойди-ка на секунду. – Голуб встал в машине.

Шофер поправил пилотку, подтянул штаны и рысцой, вряд ли превосходящей в скорости обычный шаг, направился к «Виллису».

– Товарищ капитан, рядовой Хазвазметов...

– Чего делаем здесь, рядовой?

Шофер, действительно старик, уже явно под пятьдесят, поскреб щетинистую щеку, печально вздохнул:

– Так зажигание шалит. Просил же поменять. Так разве послушают?

– Технику надлежит поддерживать в боевой готовности. Ладно, где здесь населенный пункт Сийран-пир...-т...-ти знаешь?

– Так как же, – шофер принялся махать грязной рукой, объясняя...

Капитан посмотрел на своего водителя.

– Вернемся, налево, потом направо на проселок, – поспешно объяснил план действий Хворостин.

– Точно, там этот Сийранпиртти и будет, – закивал шофер. – Третьего дня я проезжал.

– Понятно. Ты тут не возись. Финны недобитые бродят. Не ровен час, горло-то резанут.

– Так сам опасаясь, товарищ капитан...

– Куда направляешься? Путевой лист где? Где старший машины? – для порядка спросил Голуб.

– Так колонной шли. Он ж, зажигания, гря... А документ, оно ж... – дед с готовностью полез в карман гимнастерки.

Капитан бегло взглянул, вернул мятый лист путевки, справку о закреплении машины и красноармейскую книжку:

– Так, иди и воюй, Хазвазметов. Ишь, пристроился на пленэре...

– Да что вы матюгаетесь, товарищ капитан? – обиделся водитель. – Я ж не виноватый. Щас зоведуся. Тут еще беда, – дедок поморщился и схватился за живот. – Извиняйте, товарищ капитан. Брюхо подводит. Это все яйчный порошок, оно ж... – Шофер принялся спешно расстегиваться... – Ой, да что ж оно...

– Тьфу! Ты хоть с дороги уйди. Все ж освобожденная территория. Прорвемся, в тылу у финнов коммуникации минировать будешь. – Голуб плюхнулся на сиденье. – Давай-давай, Хворостин. Совсем уже...

«Виллис» рванул вперед, в смысле назад.

– Вот как с таким народом воевать? – мрачно поинтересовался Голуб. – От врага обси-
раться перестали, так от яичного порошка начали. Прямо дурость сплошная...

– Деревня, что с него взять, – снисходительно заметил Хворостин, сам бывший родом из
древнего культурного центра Яранск Вятской губернии.

– Да какой он деревенский, – проворчал, морщась, старшина. – Косит под дурака, а сам
это проклятое Сийранпиртти без запинки выговаривает.

Несколько секунд «Виллис» скакал по дороге в тишине, потом капитан крепко врезал
водителю по плечу:

– Стоп!

– Да правильно мы едем, товарищ капитан...

– Замолкни. Мы третьего дня где были? Где ты покрышку менял?

– Так со штабом перебирались. По дислокации. Там же «колючки» было, не дай бог...

– А в Сийран-пир...-тти наш штабдив не пошел, потому что там постреливали, – про-
бормотал Голуб. – Вот я и думаю...

– Он куда следует, дедок-то этот? – спросил, выпрямляясь, старшина.

– В 220-ю. Они где-то рядом, тут ничего такого...

– Они же свежие. Только с формирования. Едва краску обдирать начали... А полуторка
битая...

– Номер вроде обычный, в глаза не бросился... Что там еще? – Капитан на миг зажму-
рился, вспоминая, и рывкнул на несчастного Хворостина: – Ну и что вылупился? Разворачи-
вай. Уточним...

«Виллис» в очередной раз развернулся. Алексею хотелось застонать. Всю душу эти осо-
бисты со своей подозрительностью вытрясли.

– Товарищ капитан, а как бы... – пробормотал старшина, неловко ерзая.

Голуб, молча, передал назад автомат. Старшина отомкнул диск, проверяя...

– Товарищ капитан, – неуверенно сказал Алексей.

– Ты, Трофимов, сиди спокойно. Это для контроля и вообще...

Полуторка торчала на месте, но уже тарахтела заведенным двигателем, дедок топтался
рядом, держался за шаровары.

– А мне так с яичного нормально, – задумчиво сказал Хворостин.

– Не зевай, – буркнул капитан, выскакивая на дорогу. – Эй, Хазвазметов, ты о первом
повороте говорил или о втором?

– Ох ты господи, да шас, товарищ капитан. Пряма мочи нет. – Шофер ухватил из распах-
нутой кабины клочок газеты. – Неужто дизентерия?

На ходу спуская штаны, водитель засеменил за машину.

– Слушай, Хазвазметов, ты эти шутки брось, – сказал Голуб вслед страдальцу и в некото-
рой растерянности оглянулся на собственных подчиненных. Вытаскивая из уже расстегнутой
кобуры пистолет, шагнул в сторону полуторки...

– Он к лесу дернул! – крикнул, вскакивая на ноги, старшина.

– Стой, стрелять буду! – Капитан взмахнул пистолетом, бросился за машину.

Сухо хлопнуло из кустов. Голуб упал на колено, дважды выстрелил из своего ТТ. Прямо
с кузова «Виллиса» короткой очередью добавил старшина – по плечу Алексея стукнула отле-
тевшая гильза.

– Только по ногам! – завопил капитан.

– Так понял. – Старшина соскочил на дорогу, охнул от боли в спине. – Уходит!

– За мной! – Капитан Голуб, держа пистолет двумя руками, прыжками бросился к
опушке.

Левее, неловко пригибаясь, уже бежал старшина-разведчик.

– Охраняй, парень! – крикнул, накидывая на шею ремень автомата, лихой Хворостин...

Ошалевший Алексей сидел в машине. Сквозь тархтение двигателей из леса донесся пистолетный выстрел. Ему ответила экономная автоматная очередь... Младший сержант Трофимов, сполз на землю, огляделся. Было не по себе. Зеленоватая вода в кюветах, близкие лапы сосен... Распахнутая дверь полуторки... А если там, в кузове, кто? Алексей взял топорик из-под водительского сиденья. Поколебавшись, выключил двигатель «Виллиса». Осторожно двинулся к полуторке... Равнодушно постукивал двигатель, из леса вновь донеслась короткая автоматная строчка... Алексей увидел в кабине тощий «сидор», обрывки газеты. У дальней двери виднелось ложе винтовки. Алексей забрался в кабину, ухватил трехлинейку. Во – патрон в патроннике. Стало спокойнее. Младший сержант Трофимов заглушил двигатель грузовика, спустился на землю. Каждое резкое движение отдавалось немедленной болью в ухе. Алексей примерился – с длинной винтовкой было неловко – встал на подножку и осторожно глянул в кузов. Нет, никаких дезертиров и вообще сомнительных личностей – бочки сплошные. Может, кто внутри и сидит, но вряд ли, тут у нас не кинофильм «Остров сокровищ».

Алексей на всякий случай отошел к «Виллису», встал за машину. Пристроил довольно облезлую винтовку на борту. Вглядываясь в опушку и невольно озираясь, поковырялся с повязкой на голове, понадежнее освобождая здоровое ухо. Тихо вроде. Вот же история...

* * *

...Белов был уверен, что уйдет. Леса сопляки не знают, плотно обложить не успеют. А места знакомые, хоженные места. Главное, к озеру не выскочить. Прижмут ведь сдуру...

Лапы сосенок хлестали по лицу, давно сбили пилотку. Это ничего, не тот головной убор, чтобы... Так, вроде уклон начался. Нет, на берег нам не нужно...

Белов остановился, прислонившись плечом к стволу. Нет, не отстали. Молодое быдло, резвое. На большевистских харчах не разжиреешь. А капитан точно жиденек. Глазенки такие цепкие...

Хрустело левее. Сквозь березняк тоже кто-то шел, но осторожнее. Четверо их должно быть. Впрочем, одного могли у машины оставить. Щенки. С кем потягаться вздумали...

Белов переложил пистолет в левую руку, вытер ладонь о отвратительно засаленные шаровары. Еще мгновение прислушивался, потом двинулся левее. Надо в сторону уйти, за их спины. Шлепнуть одного или черт с ним? Идти еще далеко, сплошной линии фронта нет, проскочим. Рацию, конечно, жаль. Кто знал, что этот «фордик»²⁴ заглохнет в самый неподходящий момент? Верст десять и оставалось. Ничего, бог с ней, с рацией. Чекистам она мало что скажет...

В ельнике матюгнулся солдатик, зацепившись за валежину. Белов встал вплотную к сосновому стволу, неторопливо поднял пистолет. Сам на мушку идет, ну как не уважить родимого? Выгоревшее пятно гимнастерки качнулось между темными елками...

– Стой! Оружие на зем!.. – рявкнули с другой стороны.

Белов выстрелил на звук дважды. От короткоствольного «Коровина» толку в такой пальбе было не слишком много. В ответ выстрелили – пуля стукнула в ствол над головой. Тот краском-еврейчик. Нарочно, что ли, к земле прижимает? Паяц семитский...

Резанула автоматная очередь, посыпались ветви...

Белов нырнул в ельник.

– Вон он!

– Спокойнее, Хворостин. На рожон не при...

Экие самоуверенные. Попробуйте, возьмите. Была бы винтовка, положил бы всех...

²⁴ Белов абсолютно уверен, что грузовой автомобиль ГАЗ-АА все равно оставался продуктом беспринципной американской компании Ford.

Белов бежал вдоль зарослей. Озеро оставалось где-то левее. Впереди ручей должен быть. Проклятые сапоги болтались на ногах. Какая же краснопузая сука додумалась обувь из этой мерзкой кирзы шить?

Коротко простучал автомат за спиной. Пугают, комсомольчики сопливые. Напугали ежа голый жо...

Арсению Николаевичу Белову было сорок пять лет. Он был тренирован и опытен. Но Белов всю жизнь носил хорошую обувь. Даже во время того ужасного отступления к Крыму и сводящего с ума сидения в Галлиполи. Хорошие сапоги – не менее важны, чем надежное оружие...

Впереди был просвет: склон, усеянный вросшими в землю карельскими валунами. Нужно взять правее... Белов перепрыгнул через ствол поваленной сосенки – подошва сапога опустилась на сантиметр левее горба валуна, – и крутанулась ступня в растоптанном, снятом с неизвестного покойничка сапоге...

Белов упал – на руки, не успев выпустить пистолет и чуть не сломав себе палец. Но фатальнее было иное – правое колено крепко ударилось о камень. Белов заскрипел зубами – боль была ослепительно острой...

Подбитой ящерицей сполз в ложбинку. Будь оно все проклято, до чего ж неудачно. Просто смешно, господа, практически на ровном месте. Ничего, выкрутимся...

Белов переполз под прикрытие сосны – торчала над обрывчиком, красивая, разлапистая... Внизу журчал тот самый ручей. Определенно, бывали здесь с Мартина²⁵. Еще тогда, летом 39-го... Глупо, господа...

– Осторожнее, товарищ капитан. Он же, гадина, запрятался.

– Угомонись, Хворостин. Не первый год замужем...

...Белов слышал лишь неясный говорок. Сразу не сунулись. Осторожничают. Многому научились сиволापые. Впрочем, и в двадцатом... Все, оставим ностальгию, господа. Имеем пять патронов. Должно с лихвой хватить... Белов вытянул из кармана шаровар платок – колено пронзила очередная волна боли. Смагивая слезы, бывший штабс-капитан обтер пистолет. Дивное изделие большевистского слесаря-самоучки. Да, «наган» бы иметь, или уже ставший привычным парабеллум. Но у той бабы-кассирши²⁶ на Сенной был только этот уродец. Ну, остается не уронить честь лучшего стрелка полка...

...Белов увидел автоматчика – на миг мелькнуло светлое пятно гимнастерки. Двигается вдоль ручья – логично, не видят, но нащупывают. Идет неловко – неужели теми выстрелами навскидку зацепил? Ай да Белов...

Бывший штабс-капитан прицелился – вон между теми кустами боец должен мелькнуть. Наверху хрустнула ветвь – почти рядом, за сосной. Подбираются... Давайте-давайте...

Тот прыжок в ночь, раскрывшийся, не предавший, парашют... Крошечная тыловая станция с полуслепым милиционером... Потом длинный кружной путь в Питер – называть город детства хамским «Ленинградом» язык не поворачивался... Город, до неузнаваемости изуродованный большевиками. Рация, чудом сохранившаяся в тайнике среди развалин с 41-го... Оружия в тайнике не было, но это было поправимо. Работа у Касимово, трясущийся местный агент, с таким трудом добытая батарея для рации... Самолеты, взлетающие чуть ли не над головой... Вычислить нужные «Дугласы» было не так сложно. Благое дело, и сработанное от души... Уходить решил дерзко – Советы начали наступление, а в хаосе разорванного фронта проскочить вполне можно. Дикарь Хазвазметов даже не понял, что его режут... Форма, гряз-

²⁵ Майор Паули Мартина – один из родоначальников финской разведывательно-диверсионной службы.

²⁶ Часть из выпущенных в 1926–1935 гг. «гражданских» пистолетов ТК была передана банковским служащим и инкасаторам.

ная, хорошо что не вшивая, бесподобные сапоги... Но ведь везло, везло! И сейчас повезет. Их всего трое...

Кого обманываем, Арсений Николаевич?

Кончено.

Но живым сдаваться не стоит. С быдлом разговаривать нам не о чем. Собственно, и без химии мы тоже обойдемся.

...Качались лапы ели, журчала вода. Как тогда, в Вырице. Шурочка была вся в светлом, воздушном. Брат смеялся, глупо подшучивая и стесняясь. До смешного теплое шампанское...

Белов еще раз обтер кургузое тельце «Коровина», и дважды быстро выстрелил в сторону кустов. Затем аккуратно уткнул обжигающий ствол себе под подбородок...

Русским офицером и дворянином Арсений Николаевич Белов давно уже перестал быть. Существовал финским и немецким агентом под незамысловатым псевдонимом Буре. И последние двадцать лет жизни Арсения Николаевича жизнью в общем-то не были. Но ушел бывший дворянин не колеблясь...

...Еще раз хлопнул выстрел. Капитан Голуб тянулся на цыпочках, пытаясь разглядеть врага. Определенно, здесь, под скосом. Ушлый дедок-то... Тут без спешки нужно. Ишь, засел...

За кустами завозился, отмахиваясь от комаров, Хворостин. Нет, ну что ж за чучело такое? Голуб махнул пистолетом, показывая – сдвинуться правее, прикрыть русло ручья. Вполне возможно, дедок (а ведь диверсант, определенно диверсант!) туда рванет. Как бы Хворостин его с перепугу не завалил. Напортачит, ох напортачит... Взять диверсанта лично, это, знаете ли...

– Капитан? – старшина окликал издали, вполголоса, но в тишине, нарушаемой лишь журчанием ручья, слышно было отлично. – Дедок-то вроде как того... Отбегался.

...Стояли, разглядывая тело. Хворостин вздыхал:

– Эх, накрылась медалька. У меня ж всего одна «За Ленинград»...

– Благодарность тебе. С занесением в филейную часть, – проворчал старшина-разведчик. – Вон до чего старикашку напугал. Он и был-то невзрачный...

Мертвец действительно выглядел неинтересно. Щуплый, грязноватый. На выходе пуля разнесла верх черепа, и ветерок шевелил остатки рыжеватых волос вокруг плечи. На грязноватом платке, валяющемся рядом, быстро подсыхали капли крови.

Голуб присел и принялся ощупывать ворот гимнастерки покойника:

– Нет, таки есть все же. – Пальцы нащупали опухоль защитой ампулы. – Эх, товарищи, взяли бы мы его живого...

– В следующий раз. Небось не последний, – пробурчал разведчик и осторожно присел на камень. – Утомил, гадюка. Хворостин, глянь, у меня там по пояснице не сочтется?

– Да, вы передохните, – сказал Голуб, укладывая в полевую сумку трофейный пистолет. – Поскольку придется нам этого «Хазвазметова» транспортировать.

– Товарищ капитан!

– Разговорчики! Говорю же, надо было живьем брать. Тьфу ты, черт! Ведь, считай, в руках был...

* * *

Алексей опустил винтовку – из леса выходили свои, несли тело. Кряхтел Хворостин – волокущий мертвеца за руки, – начальство и подбитый старшина поддерживали ноги покойника. Капитан еще и нес сапог, видимо, соскочивший с ноги убитого.

Покойника положили на дорогу:

– Натуральный фашист, – заметил, отдуваясь, Хворостин. – Прямо как в кабане весу.

– Лазил? – строго спросил капитан у Алексея, кивая на распахнутую дверь полуторки.
– Никак нет, только винтовку взял и патроны.
– Ну, это целесообразно, по ситуации, – Голуб посмотрел на опушку. – Интересно, чего он здесь торчал? Может, ждал кого?
– Вот же... – Хворостин начал сдвигать автомат на грудь.
– Надо бы засаду оставить, да мы уж крупно шумели, – капитан ткнул пальцем в грузовик. – А с транспортом что делать? С машиной бы поработать толково...
– Я, товарищ капитан, повести грузовик могу, – сказал Алексей. – Если заведется...
– Ого, соображаешь? – оживился капитан. – А то понимаешь, все радист, радист...
– Да я так, чуть-чуть. Батя в автопарке работал. На автобусе...
– Ну так и пассажир у тебя спокойный будет. Хоть и безбилетный. Хворостин, заводи!
– Опять я? Я ж прикрытие осуществлял. И мертвяка таскал...
– Отставить разговорчики. За мертвяка объявляю благодарность перед строем. А не заведешь машину – получишь взыскание...

Полуторка завелась, мертвяка общими усилиями забросили в кузов между бочек. Пока до штаба дивизии добрались, Алексей чуть не сдох, – рулить совсем разучился, тем более что и раньше умел слабо. Ничего, дотащились. Капитан похвалил, наказал отдыхать. Старшина-разведчик отвел в какой-то сарай, там дали сладкого чаю с хлебом. Потом Алексей наплевал на все и заснул на остатках свежего сена. И только утром узнал, что тот дедок невзрачный и вправду натуральным диверсантом оказался. Даже рацию немецкую в бочках нашли.

Вечер

Атаки 381-й и 281-й стрелковых дивизий безуспешны – прорвать финскую оборону не удается. В районе Приозерского подразделениями 10-й и 92-й стрелковых дивизий взяты опорные пункты финнов на Мустоловских высотах.

Глава третья

14 июня 1944 года

Утро

Наши атакуют по всему фронту.

109-я стрелковая дивизия наступает южнее железной дороги Ленинград – Выборг. Форсирована река Райволанйоки²⁷, захвачен плацдарм. Отчаянные контратаки финнов не дали прорваться в тыл, к артиллерийским позициям и узлам связи, но плацдарм удержан.

286-я стрелковая, наступавшая севернее железной дороги, продвинувшись по болотам, заняла железнодорожную станцию Мустамяки²⁸.

72-я стрелковая дивизия нанесла удар в центре на Куутерселькя²⁹. После артподготовки и мощного удара авиации, наша пехота атаковала и за 30 минут взломала линию обороны противника.

Аэродром Касимово

10.20

Рев взлетающих и садящихся самолетов уже не отвлекал. Большая часть оперативно-следственной группы Отдела «К», скромно устроившись за крайним столом пустой столовой, пыталась справиться с обедом. Вернее, с запоздавшим завтраком. Дощатые столы с застиранными, но чистенькими скатертями, лавки, отполированные сотнями летчицких «тылов»... Сколько же раз летный состав полка сменился?

– Знаешь, а не сильно-то все меняется, – пробормотал Коваленко, глядя на рисовую кашу с волокнами разваренной говядины. – Ну, форма, ну техника. А так... Вот и в меню явная традиция прослеживается.

– Ну, это 5-я норма. Усиленная, – заметил Женька. – Обычно пожиже бывает. Ты доедай, непонятно, что и как там дальше.

– Угу. – Командир запихал в себя еще ложку. Старшего лейтенанта Коваленко после Прыжка порядком мутило. Вроде уже прошло, акклиматизировался, но жирная каша о той неприятности напомнила. Бывает даже с морпехами.

Переход прошел почти штатно. Финишировали планово, но вместо кустарника, который обещали коллеги Попутного, успевшие прокачать пейзаж семидесятилетней давности в районе второго километра дороги Агалатово – Вартемяки, опергруппа оказалась среди ям непонятного предназначения. Женька, понятно, брякнулся, испачкал галифе и порвал ремешок полевой сумки. Отчистились, спешно расставили по уставным местам знаки различия и прочую фурнитуру – эффект Перехода ничего не прижег и вообще очевидных неприятностей не натворил. Опергруппа несла на погонах черный кант и скрещенные топоры – не сильно круто, зато внимания не привлекает. Товарищ Попутный хохмил и трепался в меру, и терпеть подначки командира группы было не так уж трудно. Оружие проверили бегло – патронов в «багаже» не имели, по сути, муляжи железные в кобурах. Из майорского ТТ почему-то не извлекался магазин. Ну, как заметил оптимист Попутный – «на хрена кистеню неполная разборка?» Огневой контакт в любом случае не запланирован.

Опергруппа двинулась к дороге, у старшего лейтенанта на плече вещмешок с немудреными пожитками, Женька с неудобной, набитой книгами полевой сумкой в руках, сам командир группы щеголял желтым кожаным предметом, явным родичем знаменитого юмористиче-

²⁷ Рошинка.

²⁸ Горьковское.

²⁹ Лебяжье.

ского портфеля. Дальше все шло гладко. Остановили машину, докатили до Касимово, прямо до аэродрома. Попутный входил в контакт с легкостью невероятной: водитель с сопровождающим техником, начальник КПП, начштаба и особист авиаполка – вопросов не возникало, с «полтычка» все шло. Лейтенанту Землякову оставалось лишь поправлять окуляры на носу, а здоровяку Коваленко сдержанно улыбаться девушкам-техникам, в изобилии снующим по бурлящему аэродрому.

...Заходили на посадку «илы». Полегчавшие, без бомб с почти расстрелянным боезапасом. Звенели винты над полосой, а здесь вроде как тишина была.

«Война, а кто-то выпиливанием занимается. Это сколько же фанеры нужно?» – думал Женька, глядя на свежепокрашенную звезду на кривоватой пирамидке. Вообще-то все пирамидки были кривоватые. Потом перезахоронят, но это еще не скоро будет. Майоры, лейтенанты и сержанты лежали под земляными холмиками. Иногда экипажами, иногда отдельно. К свежим могилам далеко идти не пришлось.

«Подполковник Варварин С.В. 1914–1944».

И рядом не успевшие осесть холмики – из экипажа «Дугласа» и пассажиров никто не выжил.

Не было никаких сомнений: опознали тело подполковника коллеги из местного СМЕРШ, найдены личные документы, имелось фото тела и места падения самолета. Прибыли представители армейского отдела СМЕРШ из Севастополя, провели еще одно опознание. Фюзеляж «Дугласа» развалился на части, сторело не все, пятерых погибших можно было опознать, двоих из экипажа – лишь предположительно. Но сомнений не оставалось – агент В-4 погиб.

Всегда нужно сомневаться. Не видел лично, так поверь в чудо. Ушел Варварин в последний момент. Ну, Прыжок нечеткий вышел – так тоже бывает. В каких «кальках», в каких временах сейчас застрял человек – кому знать? А может, и здесь где-то. Продолжает работать. Мало ли как обстоятельства сложились...

Кладбище осталось там – двадцать минут ходу, опушка рощи, жужжание взлетающих и садящихся самолетов. Наверное, и на полосе кто-то погибал. Садился в последний раз, в эту столовую уже не возвращался...

– Он ведь одинокий был? – пробормотал Коваленко, прихлебывая жутко сладкий чай.

– Не знаю. У нас как-то не принято...

– Да, специфика. – Старлей потер коротко стриженную голову. – Черт его знает... Я как-то в Черняховск «двухсотого» отвозил. Родичи, девчонка в соплях, автобус от кондитерской фабрики. Может, уж лучше так, по здешнему военному манеру?

Как лучше, Женьке думать не хотелось. Надо бы чем насущным голову занять. Получается, что командировка короткая. Погиб агент, обстоятельства известны. Хотя, видимо, не до конца – Попутный сидит у контрразведчиков и что-то задерживается. Вроде бы расследование здесь усиленно ведут – не каждый день подполковники 10-го Отдела НКО «СМЕРШ» гибнут. Видимо, есть вопросы.

– Как-то не складывается, – пробормотал Коваленко. – Как их могли сбить? Но ведь сбили. И свои. Так свидетели говорят?

– Да мало ли что они говорят. Две тетki да водитель случайный. С земли много не разглядишь.

– Ага. Все ослепли. Летчики, свидетели, особисты. Определенно, подстава какая-то вышла.

– Придет майор, сообщит. Может, нам и вовсе не положено знать. К переводу документации и безопасности группы это отношения не имеет. Извините, Валерий Сергеевич, я уж намекаю так прозрачно.

– Брось, мозг нам еще не отключили. И по имени-отчеству так вообще неестественно.

– Мне можно. – Женька похлопал по растрепанному словарю, лежащему на полевой сумке. – Я – гнилая интеллигенция. Возможно, вообще профессорский сынок.

– Очки у тебя профессорские. А как в яму ухнул, так выражался противоположно и конкретно. Не, не возьмет тебя Попутный в свое славное ведомство.

– Еще чего. У них и ефрейторов-то нет. Мое ведь звание – я же прирожденный освобожденный³⁰.

Официантка принесла еще чаю: крепкобедрая такая деваха. Стрельнула глазками – здоровяк Коваленко одарил ответной благосклонной улыбкой.

Попутный явился лишь через полтора часа – еще из дверей махнул пухлой рукой. Засидевшаяся опергруппа выскочила из столовой.

– Товарищи офицеры, докладываю-освещаю обстановку и ставлю задачу...

Оперативное совещание пришлось проводить на свежем воздухе. Впрочем, товарищ майор был краток:

– Имеем. Первое. Подтверждено: наш человек погиб. Второе. Самолет сбит истребителями с советскими опознавательными знаками. Факт установленный, свидетельские показания и улики прилагаются. Третье. Откуда взялись эти ястребки, установить не удалось. Особый отдел ведет проверку всех частей, имеющих что взлететь. Результаты будут. Но! Есть обоснованное мнение, что истребители были чужими, то есть ряжеными. Четвертое. Связь с нашим бортом была отвратительная. Возможно, ее целенаправленно глушили. Из обрывков радиоперехвата ясно, что экипаж нашего транспортника вел бой и, возможно, подбил или сбил один из атаковавших истребителей. Пятое. Варварин оставил записку. Вероятнее всего, нам...

Бордовое удостоверение СМЕРШ. Фотография не пострадала: смотрел Варварин строго, видимо, новенькие погоны еще ощутимо давили. Кромка удостоверения была залита бурым, спекшимся, немного затекло и внутрь, но карандашную надпись можно было легко рассмотреть:

«Для А.А. Калька лопнула. Бумеранг?»

– Документ мне сейчас придется вернуть, – Попутный сунул удостоверение обратно в конверт.

– Что значит «лопнула»? – пробормотал Коваленко. – Кодовое слово?

– С этим дома разберемся. Здесь наши коллеги себе уже голову по полной ломают. Итак, ставлю задачу на ближайшие сутки. Работаем кооперативно. Оперативные группы фронтового отдела проверяют все сбитые десятого июня над нашей территорией истребители. Мы им поможем. Сейчас следуем к озеру Иха-ярви. Проверим, что там шмякнулось несчастливое десятого-ноль-шестого.

– Виноват. Почему именно Иха-ярви? – насторожился Коваленко.

– Там местность курортная, – пояснил Попутный. – Сосны, воздух и ваще лепота. А если дополнительные основания нужны, так у товарища лингвиста спроси.

Майор энергично зашагал обратно к штабу, а на Женьку требовательно посмотрел непосредственный начальник:

– Поясняя, Земляков. На кой черт нам это Иха-ярви?

– Так откуда мне знать? У нас это озеро вообще не фигурировало. Я сводку и разблюдовку по сбитым самолетам неплохо помню.

– Ага. Значит, озерцо не отмечено, но там что-то упало. Развилка? Новый вектор?

– Может, и просто не отмечено место падения в документах, – сказал Женька, пытаясь вспомнить, где то несчастное озеро вообще находится.

³⁰ Ефрейтор – Gefreiter (нем.) буквально освобожденный, подразумевается – от некоторых нарядов.

На карте озерцо отыскивалось с трудом. Направление на Выборг через Куутерселькя – там еще накануне шли бои. Чуть севернее дороги цепочка крошечных озер. Одно из них и именовалось Иха-ярви.

– Хм, так вроде к фронту направляемся, – Коваленко потрогал тулью фуражки – ткань уже имела какой-то заношенный-задрипанный вид. – И вот как ты думаешь, Земляков...

– Полагаю, товарищ майор все помнит, – Женька с отвращением нажал локтем на кобуру – бесполезная тяжесть беспокоила.

Попутный вышел только через час в сопровождении местного капитана-особиста. Майор сунул Коваленко еще один потрепанный «сидор», судя по всему, увесистый. Товарищи старшие контрразведчики двигались впереди, оживленно беседуя, остальная часть группы следовала в кильватере. Коваленко качнул вещмешком, многозначительно подмигнул Женьке.

Машина уже ждала: дивно исцарапанный «Додж» с сонным водителем-сержантом.

– Извини, до места не добросит, – извинился капитан, пожимая пухлую пятерню Попутного. – Но я на пост позвоню, помогут.

– Ну, лады. – Майор забрался в машину. – И все-таки у Прозоровского³¹ он лучше сыграл. Это ж такой матерый актерище...

– Но Яблочкина-то³² там какова...

Женька сообразил, что все это время контрразведчики, от которых пахло водочкой, трепались о театре. Вот же товарищ майор подходы к людям нащупывает...

«Додж» рванул к КПП, опергруппа уцепилась за сиденье...

У поста у поселка Майнилы пришлось подождать подходящей попутной машины. Движение в обе стороны было активным, орал запыленный регулировщик, начальник поста грозил нарушителям, лезущим на обгон. Опергруппа отошла подальше от пыли.

– Так, товарищи офицеры и прочие военнослужащие, что там нам бог послал? – ухмыльнулся Попутный.

В вещмешке имелись три банки американских консервов, буханка хлеба, пачки пистолетных патронов и два ствола: ТТ и «парабеллум».

– Коллеги расщедрились, – пояснил Попутный. – Три ствола я выпрашивать не решился. А это так: переводчика тылового побаловать. Засиделся в Москве, папенькин сынок, понимаешь.

– Ну, профессорский отпрыск, что с него взять, – сказал старлей, проверяя оружие.

– Почему профессорский? – Попутный приподнял белесую бровку. – Я, естественно, прямо не намекал, но полковник Земляков вполне известная личность. Не подведи приемного батю, Евгений.

Женька обещал не подвести – надежный «тульский» устроился в кобуре, сразу стало спокойнее. Самого товарища майора оружие интересовало мало. – Попутный не без основания считал, что у контрразведчиков «не в пукалках сила».

Начальник направился к посту – общаться, контактировать и вообще поторопить с машиной.

– Впечатляет, – пробормотал Коваленко. – Такой талант, и ведь на государственной службе. Не дай бог в криминал бы ушел.

– Да у криминалов разве размах? – Женька с досадой обнаружил, что у левого сапога оборвались оба матерчатых «уха». Что-то «труха перехода» в этот раз в наглуую подпирает.

– Товарищ майор – редкий специалист, – согласился Коваленко. – В первом же разговоре меня этак красиво развел. Болтаю о янтаре, о «ледке» и «костяном» ему докладываю. Бац,

³¹ Прозоровский (Ременников) Лев Михайлович – русский советский театральный режиссер и актер. Народный артист РСФСР.

³² Яблочкина Александра Александровна – российская и советская актриса театра. Народная артистка СССР (1937), лауреат Сталинской премии (1943), трижды кавалер ордена Ленина.

ловлю себя на мысли, что вроде знакомы мы, не иначе как с Калининграда. Может, и жили-то по соседству. Пяти минут не прошло.

– Ага, фронтальной любознательности у нас начальник, – согласился Женька. – Но ведь не всех он так охмуряет. Бывают и исключения.

Ночевала оперативная группа на хуторке у Каук-ярви. Недалеко рокотало, финны огрызались, наши пытались прорваться на стыках отходящих частей противника. Но это было там, а здесь тишина, полноценный ужин. Хуторок был в порядке: хозяева бежали, успев схватить лишь одежду. Правда, командир остановившихся рядом связистов орал, «что все соленья фашистами отравлены». Грибочки и клюква оперативников Отдела «К» не интересовали: личный состав изучал карту – благо у окна было довольно светло. Товарищ Попутный отсутствовал – сидел у связистов.

Женька слушал канонаду – к вечеру поутихло, но отдельные разрывы были слышны.

– Работают, – Коваленко тоже слушал. – А мы сидим. Специфика, я понимаю. Но как-то не по себе. Мы же вроде знаем, как оно, где...

– Мы первые полчаса знать будем, потом вектор уйдет и все по-новому, – напомнил Женька.

– Полчаса тоже деньги...

Ввалился Попутный, нагруженный шинелью и еще чем-то, не глядя перешагнул через сопящих вповалку у порога связистов.

– Бодры? Баиньки пора. Кстати, сувенир попался. Потеряли какие-то олухи. Взгляни, старлей, – эксклюзивный инструмент...

Инструментом оказался финский автомат «Суоми». Пока Коваленко разбирался с редкостным коробчатым магазином на полсотни патронов, начальство устраивалось «баиньки» – от майора снова пахло спиртным.

– Так, охранять командира, спать чутко, но расслабленно. – Попутный зевнул. – Да, завтра мне «люгер» верните. Забуду ведь...

Майор безмятежно засопел, а Коваленко прошептал:

– Вот кто сегодня отработал. Черт, все равно не понимаю, как у него выходит. Автомат вот «нашел» попутно. Добротная, между прочим, вещь. Тяжеловата только...

Женька свернулся под лавкой, сунул под голову сумку с ненужными словарями. Было душновато, зудели налетевшие в комнату комары. Погромыхивало на западе...

Глава четвертая

14 июня.

Дивизионный отдел СМЕРШ

18.45

– Трофимов, к капитану!

Алексей вытер руки и пошел к начальнику отдела. Голуб в своей «горенке» что-то писал, одновременно прихлебывая чай, обжигаясь и ядовито критикуя телефониста, тщетно пытавшегося дозвониться до «восьмого».

– Ага, Трофимов! Значит, так: хватит тебе прохлаждаться. Садись и признавайся, как самочувствие...

– Терпимо, товарищ капитан, – с опаской сказал Алексей. – Вот только ухо...

Ухо, в общем-то, не слишком беспокоило. Не слышало, но и не мешало. Спина – иное дело. Возня с трофейным сейфом, который сначала пытались закрыть, а потом открыть, даром не прошла. Прав Хворостин – откровенно лехтарского нрава тот ящик. Или те ключи, что нашли, все-таки не от него.

– Ухо – не жопа. Тут двойной резерв есть, – заметил Голуб. – Значит, имеется к тебе, Трофимов, отдельное ответственное задание.

– Товарищ капитан...

– Все понимаю. Подлечиться бы тебе, дух перевести. Боец ты сознательный, к анархии и прочей расхлябанной саботажности не склонный. Но сейчас у нас наступление, и дело твое рассматривать некогда и некому. Сам все понимаешь. Ты же у нас комсомолец?

– Комсомолец, – чувствуя, что мало не покажется, согласился Алексей.

– Ну, я и не сомневался, текущий момент ты понимаешь. Короче, временно прикомандировываешься к нашему отделу. Вот предписание...

Алексей развернул лист с фиолетовой печатью. «Вплоть до дальнейших распоряжений, в должности водителя автотранспортного средства ГАЗ-АА номер А-5-13-34». Ох, загоняют. И кто тогда за язык тянул?

– Гонять не будем, – заверил догадливый Голуб. – Но сегодня придется тебе покрутить «баранку». Свыше приказано оказать содействие командированной оперативной группе. Можно сказать, конкретно тебе и приказывают, поскольку мы зажрались и лишний транспорт заимели. Задача такова: катите к хуторку у озера Иха-ярви – это верст шесть севернее Майнилов. Там работает опергруппа. Наменяю – отдельная московская опергруппа. Лишних вопросов не задавать. Задача: помочь оперативникам транспортом и связью.

– Товарищ капитан...

– Да, радиции у нас нет, – согласился Голуб. – Ну, так помогаем исходя из реальных возможностей. Так и передашь. Уж и рады бы, да... В конце концов, там наших частей полно, посредством телефона с кем угодно свяжетесь. Ты не новобранец, связист с фронтовым опытом, разберешься. Осознаешь ответственность?

– Так точно.

– Ну и отлично. Вам там к утру нужно быть. Время есть, заскочите в хозяйство Тавтеева, заберете одного пленного финна. Сомнительный тип. Поосторожнее с ним.

– Товарищ капитан, а финна-то куда? Он же...

– Финна сюда, ко мне, для дальнейших следственных мероприятий. С тобой Кутлов поедет. Сопровождающим. Утром или ко мне их с этим чухонцем забросишь, или пересядут на попутку. По обстоятельствам. Справитесь. Все понятно? Чаю хочешь?

– Не откажусь, товарищ капитан, – вздохнул Алексей.

Чай был сладкий, крепкий. Капитан отложил бумаги и сказал:

– Ты, Алексей, парень правильный, советский. Со здоровьем, конечно, не особо. Ничего, подлечишься, до Берлина запросто дотопаем. А пока выручай. Наступаем, вторую линию финнов взломали, отдыхать да приходить в себя некогда – бить надо, пока мерзавцы бегут и пятками сверкают. К старшине сейчас зайдешь – он оружие по твоему нынешнему состоянию выдаст. Я распорядился. И веселей, веселей...

Через полчаса Алексей уже заводил машину. Полуторка-диверсантка упрямилась. Коренастый Кутлов топтался рядом и подавал идиотские советы:

– Ты с протягом крути, с протягом.

Алексей с трудом выпрямился и протянул кривой стартер умнику:

– Показывай.

– Ошалел, что ли? Кто шофером-то?

Алексей поправил замурзанную повязку на ухе и негромко сказал:

– Я шофер. Еще я контуженый. Нервный. И еще старше по званию.

– Вот еще нервный хрен с горы... – Кутлов разобиделся, но за заводную ручку взялся, крутить начал. Не шибко успешно, но тут на глаза откомандированным на спецзадание страдалцам попался сонный Хворостин. Привлекли и, переругиваясь, совместно занялись «диверсанткой». От дверей давал советы часовой, на шум вышел старшина. Минут через пятнадцать машина, уступив превосходящим силам контрразведчиков, затархтела.

Алексей, сдвигая все время съезжающую на ненужное место кобуру с наганом, забрался в кабину.

– Перекурим, – сказал ерзающий со своим автоматом и пухлым «сидором» на коленях Кутлов. – А то ты бледный, чо та бумага. Дух переведи.

– Давай выедем, а то снова заглохнет, гадина, – пробормотал Алексей, вытирая лицо обрывком бинта. – Ты за «старшего» не бычься. Это я для порядка.

– А я-то удумал, – Кутлов ухмыльнулся. – Давай без горячки. Докатим. Вот как обратно-то мне ехать? В кузове масла на два пальца набрызгано. Как же я с подконвойным?

– На шпиона и сядешь. Они откормленные, мягкие...

* * *

Тащились долго. До шоссе добрались без труда, но войск шло густо, втереться в колонну не давал регулировщик. Едва уловили момент, сунулись в разрыв. Оказалось неудачно – впереди шел тягач с прицепами, чадил так, что не продохнешь. Обогнать не получалось – и навстречу пер сплошной поток грузовиков. Шоссе – в общем-то, неплохое и даже не слишком разбитое – было узковато. Алексей изловчился – пропустил вперед шибко спешащих саперов. Потом контрразведчики оказались позади батареи на конной тяге. «Диверсантка» присмирела – катили не слишком гладко, но без сюрпризов.

– А леса тут схожие, – рассказывал Кутлов – его звали Семеном, и родом он был с какой-то дремучей Нижней Тотьмы. – У нас, правда, комарья пожиже. Да ты не отмахивайся, притерпи...

Кусали в потную шею комары, качалась белая недоделанная ночь, двигались и двигались сквозь бледный сумрак войска. Много их было. И даже несколько подбитых и сторевавших «тридцатьчетверок» у дороги настраивание экипажу «диверсантки» не испортили. Командированные малость поспорили о Хельсинки; Алексею смутно помнилось, что столица вражья гораздо севернее стоит, а Кутлов утверждал, что «прямой путь, только там шоссе шире станет». Но штурмом брать Хельсинку приказа нет, по плану окружают ее и ультиматум предъявляют. Финнам о Ленинградской блокаде напоминать не надо – живо лапки задерут.

Впереди угадывался подъем – видать, гряда, где и располагался финский неприступный рубеж, что днем с ходу взяли. Погромыхивало уже недалеко. И взблескивало за озером смутно

– видимо, отошедшие финны с досады клали «по площадям», спать нашим не давали. Левее от шоссе, за лесом активно работали пулеметы.

На посту посланцы пытались узнать о хозяйстве Товтеева. Из объяснений выходило, что «да черт его знает». Как финнов днем со дзотов и траншей сбили, так перепуталось все.

...Под колесами скрипел камень, «Диверсантка» переваливалась, виляя между воронок.

– Ша въедешь, – обеспокоенно забурчал Кутлов. – Въедешь, грю. Давай встанем да оглядимся, где погожей-то...

Машину пришлось заглушить. Мимо тянулись повозки, но на вопросы ездовые лишь отмахивались – никто хозяйства Товтеева не знал, да и по всему видно, знать и не мог, – в первый раз к здешней передовой шли. Попытка осмотреться ничего не дала – левее угадывались танки – с десятков машин, правее развалины то ли сарая, то ли просто груды камней, дальше шоссе уходило в лес. Кто-то возился на опушке, похоже, обозники разгружались.

– Вот в Хельсинках мы того Товтеева и найдем, – мрачно предрек Кутлов.

Алексей сполз-спрыгнул с борта, принялся вытирать липкие подошвы – это ж не кузов, а трясина какая-то ядовитая. Было душно, опять густо зудели комары.

– Вот всегда так, – Кутлов закурил, – пошлют и ищи-свищи...

– Не кури рядом с машиной, – пробормотал Алексей.

– Так я только от мошки...

Из сумрака широким шагом явился человек в танкошлеме, резко двинул Кутлова по затылку, выбил и затоптал самокрутку.

– Охерели, вашу...?! Растопырятся как... Снайпер снимет... не успеете...

– Ты чего... – Кутлов разглядел погоны, – виноват, товарищ лейтенант.

– Вы с бэ-ка с пункта боепитания? Туда, к батальону сворачивайте, – нетерпеливо махнул рукой танкист.

Алексей объяснил ситуацию. Лейтенант интерес к грузовику мигом утерял, но обстановку прояснил. Где Товтеев, танкисты, понятно не знали. Была вечером какая-то пехота, но та ушла назад, занимать финские траншеи. Это левее, за поселком. Еще впереди пехоты хватает – в лесу засели, по обе стороны от шоссе. Финны драпанули, но одиночки кругом лезут, к своим просочиться норовят. Лучше ощупью не шариться, ибо напороться, как те два пальца...

– Поехали к поселку, – сказал умный Кутлов. – Доподлинно там штаб сыщем. Здесь где-то семьдесят вторая³³, уж они о соседях знают.

– Как ехать-то? Напрямки? – Алексей показал на зверски измятые обрывки «колючки» и обломки гранита, – похоже, здесь взрывали противотанковые надолбы, то-то на шоссе сплошь воронки, кое-как засыпанные. – Или на мину наскочим, или скаты пропорем.

– То и говорю, к посту повернемся, там покажут, – согласился Кутлов, которому явно не нравилось торчать посреди дороги, кое-как прикрытой мелкоколесом.

Мимо вновь катились повозки. Пришлось ждать. Рисковать и разворачиваться, съезжая с дороги, Алексею не хотелось. Бок снова ныл...

– Ладно, возвращаемся. Надо кого знающего отыскать.

– Ну, чо, давай заводиться? – Кутлов решительно ухватил заводную ручку.

В небе, довольно низко, прошелестело и рвануло где-то у деревни.

– Твою...! – Семен присел, ухватился за лоб, задетый кривым стартером.

...Особо жутко не было. Финская батарея клала снаряды реденько, с большим разбросом, – возмущенный Кутлов замысловато ругался между разрывами. Танкисты, правда, залетные снаряды игнорировали – привычные, никакого шебурушения в ельнике. Вот по дороге пронеслась двуколка – возницы нет, перепуганные лошади несли куда глаза глядят. Впереди, в лесу, начали активнее постреливать – видимо, ободренные финские «кукушки» оборзели.

³³ 72-я стрелковая дивизия.

– Давай-ка все ж живее к штабу какому-никакому, – сказал, поднимая голову, Семен.

– Да уж, покурили, – согласился Алексей.

«Диверсантка», видимо, тоже отдохнула, – завелась с полтычка.

Алексей вел осторожно, примеривался, где же развернуться. Раз попробовал – уткнулись в кочковато-пупырчатую поляну: рядами торчали бревна, связанные толстой проволокой в огромные «пакеты» и вкопанные вертикально. И чего только враг не удумает...

– Ты давай, ловчей, ловчей, – обеспокоенно сказал Кутлов.

Алексей и сам слышал – даже сквозь урчание двигателя, как нарастает пулеметная трескотня впереди. Уже не перестрелка, а вроде натуральный бой – видно, наши в ночную атаку пошли.

«Диверсантка» кое-как, задним ходом выбралась на шоссе – впереди показались танки – двигались колонной по шоссе. Тыфу, опять не развернешься. Сворачивать? Проезд вроде есть, но все так гусеницами размолото. В зарослях стояли «тридцатьчетверки» с распахнутыми люками – экипажи спали где-то рядом... Да, «мазуту» каким-то близким обстрелом хрен разбудишь.

Алексей свернул точно по следам гусениц, перевалил кювет, дал задний ход – и проклятая «диверсантка» заглохла.

– Ну, руки у тебя... – заворчал Семен.

Над машиной пронеслась трассирующая очередь – Алексей инстинктивно пригнулся к рулю. Следующая очередь зацепила кабину: звякнуло стекло, полетели щепки от двери, ахнул Кутлов...

Алексей выкатился из кабины, упал за скат: метрах в восьмидесяти рычали двигатели, лязгали гусеницы. Передняя машина, низкая, приплюснутая, наверное, самоходка, вдруг развернулась, на мгновение замерла – отчетливо звякнули траки, и урчащая тварь практически в упор вцепилась снаряд в ближайшую «тридцатьчетверку»...

...Как заполз обратно в кабину, толком не помнилось. Вроде сдвинул сапог Семена – сам Кутлов откинулся к дверце пассажирской, видно, уже готовый, а ступня все дергалась, все норовила до педали «газа» дотянуться. Эх, что уж там...

...Глухо гроыхали, били по ушам выстрелы танков и самоходок, звенели, ударяя в башни и борта, болванки бронебойных. Очереди пулеметные и автоматные гасли в этих звонких нелепых ударах, и тарахтенье ошалевшей «диверсантки», и винтовочный треск, все куда-то делось. Виляла полуторка между остатков надолбов, дрожали осколки лобового стекла, качался Кутлов, ронял тяжелые темные капли с простреленной головы, а Алексей ни о чем не думал, только о самоходке гадской, приплюснутой угловатой железяке, что сейчас разворачивается, тянет вслед ствол с уродским набалдашником... Стукнет, щас стукнет снаряд, кузов разболтанный, как картонный, пронзит и...

...Орал в лицо вспрыгнувший на подножку усатый сержант, пытался ствол автомата в окно сунуть. Алексей тормознул:

– Танки прорвались!

– Да мы що, сами без глаз?! Куда прешь-то, контуженый?! Вот загни твою дудоргу...

Алексей увидел прямо перед бампером «диверсантки» борт трактора: тот, плюясь дымом, разворачивал гаубицу прямо на дороге. Дальше ставили еще орудие. И еще дальше... Сбрасывали с кузова в кювет снарядные ящики. Орал, махал руками, требуя убрать машину, старший лейтенант. Еще орали. Выпрыгнул откуда-то коротконогий раскосый капитан, грозил кулаком, лапал кобуру пистолета...

«Диверсантка», ободрав борт, протиснулась между тягачом и сломанной сосной. Немо закричали пулеметчики, бегущие куда-то вперед с «Дегтяревым» и большими артиллерийскими лопатами. Полуторку потрянуло – правым колесом в выбоину влетела. Мертвый Кутлов вновь начал сползать со скользкого сиденья, тянуться сапогом к педалям. Ох ты господи...

К селу Алексей довез полный кузов бойцов – финны яростно атаковали занятые нашими днем позиции, и стрелковый полк спешно стягивал в траншеи всех штабных-тыловых. За высоту волна за волной проскакивали «илы», долбили поле, по которому атаковал противник. Громыхало до горизонта.

– Вали отсюда, сержант, – сказал лейтенант-связист, отирая подошвы о траву. – Я ваших, из особого, днем в Кулясалми видел. Тьфу, да что ж у тебя в кузове говнище-то такое?

– Трофейная, – пробормотал Алексей.

Пехотинцы, пригибаясь, побежали к траншее, что уводила в сторону развалин села.

В Кулясалми ни местных особистов, ни хозяйства Товтеева не было, Алексея сгоряча послали, потом дали дозвониться до своих. У Куутерселькя громыхало неустанно, связь была трескучей и шипучей до полной невозможности. От капитана Голуба передали «работать по задаче», а «посылку отставить». Алексей понял с пятого на десятое, но, похоже, пад-люку-финна уже доставили куда надо.

Кутлов, накрытый шинелью, лежал рядом с четырьмя телами. Алексей посидел с сержантом из комендантского взвода, оставил бойцам кисет Семена. Ничего, похоронят как положено. Красноармейская книжка и медаль убитого лежали в кармане гимнастерки, пора было двигаться «по задаче».

На передых Алексей остановился рядом с дорогой. К громыхающему западу спешно шли машины со стрелками, противотанковыми пушками. Алексей нарубил расхлябанным топориком, оказавшимся в «диверсантке», еловых лап, набросал в загаженный кузов. Пахло смолой и машинным маслом – все казалось, запах той самоходки распроклятой насмерть прилип. Видать, повезло, сэкономил финн снаряд...

Бок болел все сильнее. Младший сержант Трофимов осторожно вытянулся на хвое и закрыл глаза.

Справка Отдела «К»

Ночь с 14 на 15 июня

23.55–10.30

Действия противника у Куутерселькя

В ту ночь возвращать позиции на ВТ двинулась сводная группа полковника Пурума: три егерских батальона, пехотинцы 48-го пехотного полка и самая боеспособная часть танковой дивизии полковника Лагуса – батальон штурмовых орудий StuG-III с финскими долгопятыми голубыми свастиками на рубках. Бронирование некоторых из машин было усилено бревнами, горизонтально укрепленными на надгусеничных полках. На данный момент в батальоне была 21 боеспособная машина.

Главным шел «Штутг» лейтенанта Сартио. Наводчиком в этом экипаже был сын командира дивизии – восемнадцатилетний капрал Олаф Лагус. Мимо советской пехоты штурмовым орудиям удалось проскочить, и головная машина как-то внезапно оказалась среди расположившихся по обе стороны от шоссе танков противника. Очевидно, русские не ожидали столь стремительной атаки: среди невысоких елочек темнели неподвижные туши изумленных Т-34-76³⁴. Лейтенант Сартио взвизгнул по ТПУ³⁵ – самоходка развернулась поперек шоссе. В окуляре прицела возник борт «тридцатьчетверки». Команда, выстрел... До танка противника пятнадцать метров – звук удара слился с грохотом выстрела. «Русский» вздрогнул, на башне подпрыгнула крышка люка – изнутри неохотно потянулся дым, тающий в сумраке белой ночи. «Штутг» лейтенанта Сартио лязгнул гусеницами, повернул – до следующей машины про-

³⁴ В авангарде наших частей находились Т-34 из 186-го отдельного танкового полка и несколько самоходов из 1222-го самоходно-артиллерийского полка.

³⁵ ТПУ – танковое переговорное устройство.

тивника оставалось метров сорок – «стоп» – «бронебойным» – «готово» – «огонь!». Попадание... Обнаружены еще «тридцатьчетверки» – все машины в таком же необъяснимом параличе застыли в глубине ельника...

Выстрел, выстрел, выстрел... Два попадания... Шедшая второй самоходка старшего сержанта Хюютиайнена подбивает еще одну советскую машину. Бог помогает смелым – русские словно ослепли...

...Практически так и было. Проспали. Изматывающий марш, изобилие мин и противотанковых заграждений, атаки с ходу, нащупывание практически невидимых огневых точек финнов, и главное, жуткая духота. Сейчас машины стояли пустыми, танкисты спали на брезенте, на свежем воздухе, не обращая внимания на близкую грызню пулеметов в лесу и закутав от комарья головы. Кто ж думал-то...

...Уходят в блеклое небо обрывки трассеров, дым, сгущаясь, застилает истерзанный гусеницами ельник, в этой смолистой густой пелене тенями смутными прыгают на броню фигуры в комбинезонах и замасленных гимнастерках. Вот проваливается головой вниз в башенный люк командир машины... Двигатели еще молчат, лишь жужжит электропривод, разворачивая башню: а там, на растрескавшейся полосе шоссе ерзают низкие силуэты «штугов». Бронебойным... – на!!!

...Полуслепые машины колотят друг друга в упор. Две минуты? Десять? Выбито шесть «тридцатьчетверок», да и взвод ухаженных «штугов» в считанные мгновения стал грудой уже не способного стрелять, едва двигающегося металла: на самоходке лейтенанта Сарттио разбито орудие, в машину Хюютиайнена вlepили снаряд с двадцати метров... Как ни странно, экипажи еще живы...

В чаще леса яростная стрельба, взрывы мин и гранат: егеря 3-го и 4-го батальонов, атаковавшие лесом, встретили яростное сопротивление – бойцы 219-го минометного полка русских живо организуют круговую оборону и держатся стойко. В завалах сосновых стволов и наскоро вырытых окопчиках вскипают краткие рукопашные схватки – и финны отброшены. Времена, когда егеря с «пуукко»³⁶ да всякие там автоматчики-«кукушки» казались мистической жутью карельских лесов, давно миновали...

...Подбит еще один «штуг» первого взвода. Командир роты отправляет вышедшие из строя машины в тыл, их место занимают «штуги» взвода лейтенанта Ауланко. Вперед! Немедленно прорваться к линии обороны, пока русские не опомнились! Ельник и шоссе ужасны – разбитые и брошенные машины, повозки, трупы... Финны упорно идут вперед. Подбита самоходка русских, уничтожена не успевшая развернуться батарея на конной тяге. Мечутся в клубах дыма обезумевшие лошади, трещат под гусеницами доски разбитых передков и снарядные ящики, лежат тела русских артиллеристов и финских егерей. Щелкают по броне пули и осколки...

Вперед! Линия ВТ, надежда Суоми, будет возвращена внезапным и могучим полночным ударом.

...«Штуг» лейтенанта Ауланко ведет дуэль с «тридцатьчетверкой». А, русский горит! Но тут же и самоходка ловит снаряд в корпус – заряжающий разорван пополам. Вперед, только не останавливаться! Куутерселькя – ключ всей линии обороны, всего «Карельского вала», и этот ключ финны больше не выпустят из рук...

...«Штуги» и уцелевшие егеря наконец достигают опушки проклятого ельника. И едва вырвавшись на простор, самоходчики видят колонну артполка³⁷ Красной армии, разворачивающегося прямо на шоссе...

³⁶ «Пуукко» – «финка», традиционный североευропейский нож.

³⁷ По шоссе двигались 558-й, 824-й и 667-й гаубичные полки. Головным шел 558-й полк. Первым открыло огонь по самоходкам противника орудие старшего сержанта Б.Я. Мамутина, получившего за этот бой звание Героя Советского Союза.

Через минуту 122-миллиметровые гаубицы открывают огонь прямой наводкой. Здесь самоходкам не пройти...

...Финны все еще рвутся к деревне через поле – цель атаки близка, русские пятятся, оставляя противотанковые орудия. Пятятся к центру села, к траншеям и пулеметным гнездам оборудованной линии обороны, пятятся, но не бегут. Еще усилие – ошеломить русских дружным ревом молодых егерских глоток, дотянуться до оставленных днем позиций. Егеря 3-го батальона в двухстах пятидесяти метрах от линии укреплений ВТ, но огонь советской артиллерии невыносим. И 182-й стрелковый полк русских, вцепившись в развалины села, огрызается плотным огнем. Егерям срочно преданы «штуги» и 13-й отдельный батальон – но продвинуться вперед невозможно. И развернуть в сторону противника трофейные орудия не получается. С неба снова и снова пикируют штурмовики – почти непрерывный стук авиапушек, вой «эресов» и грохот бомб. Возможно, авиаудары не столь действенны, как огонь советской артиллерии, но видеть несущийся прямо на голову «Ил» просто невозможно...

В 2.00 брошена в бой 3-я рота штурмовых орудий. Машина лейтенанта Мюллюмаа получает снаряд от Т-34, сам лейтенант смертельно ранен. Подбита и брошена самоходка сержанта Рясненена... Застряла в канаве среди каменных амбаров и брошена еще одна машина... Интенсивность огня русской артиллерии лишь нарастает, финскому тяжелому артдивизиону уже давно нечем и некуда отвечать – снаряды израсходованы, большинство корректировщиков убито...

...3.00. Финны все еще атакуют. Из уцелевших егерей 4-го батальона и иных подразделений сформирована и отправлена в обход упершихся русских пехотинцев крупная штурмовая группа. По восточному берегу Куутерселькя направлен 3-й егерский батальон...

В 5.00 русские начали контратаку.

...Финны отходят. Боеспособных штурмовых орудий практически нет. Уцелевший «штуг» старшего сержанта Халонена застрял в болоте, и экипаж, швырнув внутрь гранату, покинул машину. Подорвалась на mine самоходка командира батальона майора (Эккермана – чертовы русские саперы уже успели нагадить в тылу. Два «штуга» взвода Пелтонена столкнулись с тремя «тридцатьчетверками» – машина сержанта Раста подбита. Командир второй роты фон Тройль смертельно ранен, – его «штуг» после нескольких прямых попаданий разломился на две части.

К 8.00 отдельные группы егерей еще вели бой в отдельных укреплениях линии ВТ, но это уже не имело никакого значения. Потери были огромными, связь отсутствовала, боеприпасов практически не оставалось. В 10.15 командир дивизии полковник Лагус отдал приказ об отходе всех частей на перешеек между озерами Сууляярви и Онкиярви.

* * *

Арсалми оказался хуторком крошечным. Кругом были связисты: возились с какими-то растяжками. Алексей поставил «диверсантку» у болотца. Сполз к воде с ведром. Как московскую опергруппу искать, непонятно. Ладно, не маленькие, сами найдутся.

Тряпка терла, сдирала чешуйки старого дерматина, проплешина все увеличивалась, а тканевая основа сиденья все еще оставалась розовой. Эх, Степан, Степан, вроде и не таким гигантом был, а ведь прямоком в голову угодило...

– Эй, боец, ты, часом, не от капитана Голуба будешь?

Алексей обернулся – рядом стоял старший лейтенант: широкоплечий, атлетичный, нижняя челюсть, что та наковальня – боксер, что ли?

– Так точно, младший сержант Трофимов. А вы...

Старший лейтенант показал удостоверение: СМЕРШ.

– А радист-то где?

– Я радист, – признался Алексей. – Сопровождающего убило. На финнов напоролись.

Старший лейтенант проверил предписание и временное удостоверение, покосился на забинтованную башку радиста. Вдохнул:

– Я так понимаю, из достижений современной техники у нас только этот курятник на колесах?

– Так точно.

– Ладно. Жди, Трофимов. Сейчас подойдем.

Алексей выжал тряпку, глянул вслед красавцу-контрразведчику. Это ж хоть статую с него лепи. А ведь убьют такого здоровяка непременно. Хотя они московские, тыловые...

Глава пятая

15 июня

Утро

На южном фланге, от побережья Финского залива и до железной дороги Ленинград – Выборг, четыре наших дивизии продвигаются вперед.

Под Куутерселькя обстановка все еще сложная. Часть сил 72-й стрелковой дивизии ведет бой в окружении. Но финны уже отходят.

У Сийранмяки в прорыв введена 177-я стрелковая дивизия. Финны смогли приостановить наши танки у ручья Кюлмяоя, бросив в бой все резервы, включая тыловиков и газозащитную роту.

Проселок

(3 километра

северо-восточнее хутора Арсаллми)

8.40

– Что-то мне эта манера вождения давешние времена напоминает, – сказал Женька, стараясь не прикусить язык.

– Да, подсунули двух доходяг, – согласился Коваленко. – Колымага хоть как-то катится, а боец руль отпустит и того... явный дистрофик. Я все понимаю, блокада, да и вообще. Но нам бы ловкий парень на подхвате не помешал.

Следственная группа катила по проселку, полуторка дребезжала, груда лапника в разбитом кузове навевала неприятные ассоциации.

– Ничего, – бодро сказал Коваленко, пристраивая между колен норвящий выскользнуть «Суоми», – нам бы с местом угадать, а дальше дело техники.

Машина остановилась на пригорке, из кабины высунулся Попутный:

– Товарищи офицеры – наблюдаем акваторию. Излагаем ценные мысли, догадки и версии.

По правде говоря, акваторию видно было плохо: сосны заслоняли, да и берег был крутоват. Соседнее озерцо лишь угадывалось. А было еще и третье – цепочкой здесь озера лежали. Кандидатуру самого восточного, большого водоема отметили еще на этапе предварительного исследования. Там десятого июня работали саперы, да и артиллеристы рядом стояли – яснее бы о происшествии донесли. А сейчас приходилось основываться на единственном смутном свидетельстве. Вернее, двух, дополнявших друг друга: донесение о сбитом самолете и о самолете в озере.

Сначала двигались по дороге – несчастная полуторка глохла, стоило остановиться. Вооруженные биноклем Попутный с Коваленко разглядывали озеро в просветах между деревьями, Женька без особой надежды проверял возможные спуски с дороги, потом помогал водиле воскресить «кривым стартером» двигатель. Молчаливый младший сержант был неуклюж, то и дело утирал пот пилоткой. Видать и правда дистрофик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.